Воскресенье 25 декабря 1916 г. Годъ изданія восемнадцатый.

Уральская жизнь

газета политическая, общественная, литературная и экономическая, выходитъ ежедневно исключая дней послѣпраздничныхъ въ Екатеринбургѣ.

№ 288

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	10 р. — к.	На 3 мѣс.	2 р. 85 к.
На 6 мѣс.	5 р. 50 к.	На 1 мѣс.	1 р. — к.

За перемѣну адреса уплачивается 30 коп. и прилагается прежній почтовый адресъ.

Шадринская земская библиотека 28. ДЕК. 1916

ОБЪЯВЛЕНІЕ

для помѣщенія въ газетѣ принимаются за плату на первой страницѣ по 40 к. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое и на послѣдней страницѣ по 20 к. за строку. Для лицъ ищущихъ занятій, съ установленной за объявленія платы дѣлается большая скидка.

За разсылку отдѣль. объявленій при газетѣ вѣс. не болѣе 1 лота взимается 10 р. за каждую тыс. экземпл.

Объявленія изъ района Европейской Россіи принимаются во всѣхъ конторахъ по пріему объявленій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ:

Доставляемыя въ редакцію статьи и всякаго рода замѣтки должны быть съ подписью автора, точнымъ адресомъ его и обозначеніемъ условій. Всѣ рукописи могутъ быть исправляемы по усмотрѣнію редакціи. Мелкія статьи и замѣтки не принятыя редакціей уничтожаются.

Цѣна № 6 коп.

Театръ „ЛОРАНЖЪ"

ВѢДЬМА

26 и 27 Декабря

драма изъ современной жизни въ 4-хъ част. по роману Е. А. НАГОРСКОЙ въ главной роли артистка О. Н. МИТКЕВИЧЪ.

Въ слѣдующей программѣ: **Мысль** по извѣстному произведенію Л. Н. АНДРЕЕВА въ главной роли доктора Керженцева артистъ Художествен. театра Г. М. ХМАРА.

НА-ДНЯХЪ: Роковой талантъ. | Отъ рабства къ волѣ | Морфинистка.

Новый Городской театръ
Оперная труппа В. Я. МОРСКОГО
Серія ПРАЗДНИЧНЫХЪ спектаклей

Въ Понедѣльникъ 26-го Декабря 1916 года два спектакля
УТРОМЪ пред. будетъ опера **Князь Игорь** муз. Бородина
ВЕЧЕРОМЪ Съ уч. М. К. Максакова пред. будетъ опера **Борисъ Годуновъ** муз. Мусоргскаго

Во Вторникъ 27-го Декабря 1916 года два спектакля
УТРОМЪ пред. будетъ опера **Фаустъ съ вальпургіевой ночью** муз. Гуно
ВЕЧЕРОМЪ съ уч. Н. В. Каржевина **Пиковая дама** муз. Чайковскаго

Въ Среду 28-го Декабря 1916 года два спектакля
УТРОМЪ пред. будетъ опера **Русланъ и Людмила** муз. Глинки
ВЕЧЕРОМЪ съ уч. М. К Максакова пред. будетъ опера **Африканка** муз. Мейерберга

Въ Четвергъ 29 Декабря 1916 года съ уч. Н. В Каржевина и М. К. Максакова пред. будетъ опера **Дубровскій** муз. Направника
Въ Пятницу 30 Декабря 1916 года пред. будетъ опера **САДКО** муз Римск.-Карсакова

Въ Субботу 31 Декабря 1916 года съ уч. М. К. Максакова опера **Севильскій цирюльникъ** муз. Россина

Въ Воскресенье 1-го Января 1917 года два спектакля
УТРОМЪ пред. будетъ опера **Жизнь за Царя** муз. Глинки
ВЕЧЕРОМЪ пред. будетъ опера **Черевички** муз. Чайковскаго

Начало утрен. спектаклей 12½ час., вечернихъ въ 8 час. вечера.

ГВОЗДИ проволочныя
Нождачное полотно
предлагаетъ Контора **М. Я. ФИШЕРЪ**
Екатеринбургъ, Златоустовская 62. Тел. 246.

УЧАЩИМСЯ.
Пособія для сочиненій, разборы классиковъ. Ломоносовъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Крыловъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Григоровичъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. И. Новиковымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ біографію, разборъ главныхъ произведеній, темы и планы, содержаніе ихъ, полныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ разбир. произведенія. Нѣкоторые изъ плановъ настолько обширные по содержанію, что изъ каждаго изъ нихъ можно черпать матеріалъ для нѣсколькихъ сочиненій на различныя темы. Предвидя большой спросъ и желая дать возможность пріобрѣсти каждому, назначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. за каждое. Высылаются наложеннымъ платежемъ. Выписывающіе изъ склада А. Загряжскаго (Петроградъ, Разъѣзжая, 14-У.) на сумму не менѣе четырехъ руб. за пересылку не платятъ. Поступила въ продажу того же автора: руководство къ составленію сочиненій, для самостоятельной подготовки и для самообразов. книга: **Какъ писать сочиненія**. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.— За двѣ 10-ти коп. марки высыл. указатель учебн. пособій. Указатель содерж. перечисленіе существующ. рѣшеній, конспектовъ, повторит. курсовъ, переводовъ-подстрочниковъ, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій, съ указаніемъ цѣнъ.

КОМИТЕТЪ
Екатеринбургскаго Общества Велосипедистовъ и Любителей Физическаго Развитія.
Имѣетъ честь покорнѣйше просить Г.г. почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ О-ва пожаловать въ Павильонъ на городской пруду 26-го Декабря с. г. въ 12 ч. дня на молебенъ по случаю 30 лѣтняго юбилея существованія Общества.

В. ЗАКСЕ.
ПРОКАТЪ піанино.
Гоголевская 18.

Азовско-Донской Коммерческій Банкъ
Отдѣленіе въ Екатеринбургѣ.
Производитъ страхованіе билетовъ 1-го займа отъ ТИРАЖА 2 Января 1917 г. по 55 руб., кромѣ гербовой марки.

Совѣтъ Старшинъ Коммерческаго Собранія
доводитъ до свѣдѣнія г.г. членовъ что ввиду задержки типографіей печатанія отчета по постройкѣ зданія,
ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ
имѣющее быть 27-го декабря с. г.
ПЕРЕНОСИТСЯ
на 15-е января 1917 года
СОВѢТЪ СТАРШИНЪ.

МОНТЕРЪ по проводкѣ электрич. освѣщ. и звонковъ предлагаетъ услуги для небольш. установокъ и мелкаго ремонта. Адр Коковинская д Гусева № 103-й Н. В. Дерягину, прошу обращ. письмен

МАШИНИСТЪ съ многолѣт. практикой ищетъ мѣсто Работалъ практикантомъ за границей во Франціи на машиностроит. завод. Соглас въ отъѣздъ Адр въ к-рѣ газ.

Штейгера [illegible]
только безусл. опыт для наружныхъ взрывныхъ работъ, можно безъ аттестатовъ, но обязат. съ удостовѣр. съ прежнихъ мѣстъ службы. Писать: Кушвинск. зав. Строительная контора подрядчику Н. П. Назарову.

[illegible] И. Т. Р. Садоводство Усольцевская 51. Телеф. 66.

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

На дальнемъ сѣверѣ.

(ВЪ РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ).

Темно-синяя ночь опустилась кругомъ
На густую тайгу и гористыя дали...
Я хочу помечтать о лазурномъ быломъ,
Полный сладостныхъ думъ и завѣтной печали,
Но нависъ надъ тайгою зловѣщій туманъ,
И природу сковалъ царь-морозъ неизбѣжный,
Воевода полярныхъ нерадостныхъ странъ,
Лѣсъ одѣлся въ уборъ погребальный и снѣжный;
И на звуки кругомъ—всюду жизнь замерла,
Только ночь распростерлась фатою надъ міромъ,
Только грустно луна молодая взошла,
Только звѣзды сверкаютъ волшебнымъ сапфиромъ
Ты склонись надо мною любовно, жалѣя,
Снова дай мнѣ пожить, помечтать о быломъ,
Въ мой родной городокъ унеси поскорѣе...
. . . .
И картины далекихъ умчавшихся дней
Вновь встаютъ предъ моимъ очарованнымъ взоромъ:
Елка ярко сверкаетъ каскадомъ огней,
Бриллiантовымъ гордымъ волшебнымъ уборомъ.
И забылъ я пройденный тернистый мой путь,
И печали, и сердца невольныя муки,
И блаженною вѣрой полна моя грудь,
Вновь священнаго гимна доносятся звуки.
Будто сталъ я ребенкомъ счастливымъ опять,
Снова чувствую мамы горячія ласки...
Хорошо о лазурномъ быломъ помечтать,
Пережить лучезарныя дѣтскія сказки,
Пережить обольстительный сонъ на яву
И увидѣть знакомыя милыя лица...
Снова маму родную я нѣжно зову,
Снова домикъ родной обольстительно снится.
И вокругъ покосившійся ветхій заборъ,
Разметенный заботливо садикъ укромный,
А изъ садика виденъ Бобреневскій боръ...
О, Коломна, моя дорогая Коломна!
Михаила Архангела церковь стоитъ,
Гдѣ молился я въ дѣтскіе свѣтлые годы,
И Рождественскій гимнъ величаво звучитъ...
Гдѣ вы, дни золотые зари и свободы!

АНАТОЛІЙ ДОБРОХОТОВЪ.

Къ милымъ дѣтямъ.

(РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПѢСНЬ).

Пусть гудитъ сердито
Вьюга за окномъ,
Хорошо вамъ, дѣтки,
Въ гнѣздышкѣ своемъ.
Нѣтъ у васъ заботы,
Елочка горитъ
И она про счастье
Сердцу говоритъ.
Позабыты слезы,
Отошла печаль
И для дѣтокъ сѣла
Мама за рояль.
Началось веселье,
Поднялась возня,
Танцы, смѣхъ и шутки,
Визгъ и бѣготня...
Пусть гудитъ сердито
Вьюга за окномъ,
Хорошо вамъ, дѣтки,
Въ гнѣздышкѣ своемъ.
Но не всѣмъ такое
Счастью Богъ даетъ
И на свѣтѣ много
Бѣдныхъ и сиротъ.
Пожалѣйте, дѣти,
Уличныхъ дѣтей,
Всѣхъ вводите въ зало,
Какъ своихъ гостей.
Приголубьте, дѣти,
Приласкай-те ихъ
И засохнутъ слезки
Въ глазкахъ голубыхъ...
Пусть гудитъ сердито
Вьюга за окномъ;
Всѣ зажгите елки
Въ домикѣ своемъ.
Отворяйте двери
Приглашайте всѣхъ,
Этимъ искупляйте
Общій страшный грѣхъ.
Милые ребята
Не должны страдать
И не слезъ, ни горя
Не должны знавать...
Пусть узнаютъ счастье
Въ гнѣздышкѣ чужомъ...
И гудитъ сердито
Вьюга за окномъ.

П. ЭЛЬГРИКО.

Рождественское интермеццо.

Въ тяжеломъ, страшномъ рабствѣ изнывая,
Мессію въ образѣ могучаго царя
Израиль ждалъ, страданья забывая,
Могучей вѣрою горя.
Но жданный сынъ властительнаго Бога
Пришелъ въ міръ бѣднякомъ: не царская парча,
Не складки пурпура, не бархатная тога
Спускались съ блѣднаго плеча.
Пришелъ онъ въ міръ съ одной великою любовью,
Одной любви всю жизнь свою Онъ посвятилъ;
Позорной казнью Онъ и собственною кровью
Свое ученье освятилъ.
Но міръ земной забылъ великое ученье,
Питаетъ злая ненависть раздоръ,
Во злѣ одномъ онъ думаетъ найти спасенье,
Война рѣшаетъ каждый споръ.
Въ тяжеломъ рабствѣ долго жили всѣ народы,
Тяжелый, страшный гнетъ тевтонца всѣхъ давилъ
И долго міръ терпѣлъ безропотно невзгоды,
Но наконецъ не стало силъ.
Скорбя душой, болѣя сердцемъ за народы,
Россія правый мечъ съ друзьями обнажила,
Чтобъ міру дать давножеланныя свободы,
Разрушивъ ада злыя силы.
О, правый Богъ, одной лишь только высшей волей
Испепелившій въ прахъ Гоммору и Садомъ,
Намъ помоги въ смиренной, тяжкой нашей долѣ,
Побѣду дай намъ надъ врагомъ.
Пусть съ ней пріидетъ конецъ страстей кровавыхъ, бурныхъ,
Пусть свѣтлымъ торжествомъ одѣнется весь міръ
И снизойдетъ съ небесъ твоихъ лазурныхъ
Благоволѣніе и миръ!

П. ЭЛЬГРИКО.

Рождественская всенощная.

Надъ кровлями родимаго села
Небесный Ангельскій гимнъ запѣлъ...
И тихій вечеръ счастьемъ загудѣлъ,
И радостно поютъ колокола...

Звѣзда горитъ... Привѣтливъ древній храмъ...
Слезятся свѣчи... Пламенно—проста
Молитва душъ, и таетъ фиміамъ;
И славитъ хоръ Рожденіе Христа.

Въ глухую ночь намъ тягостно идти
Среди сомнѣній, горя и труда,—
Но свѣтитъ Вифлеемская звѣзда
Своимъ волхвамъ на жизненномъ пути...

ЕВГЕНІЙ К.

Въ Рождественскую ночь

[illegible]
Я мечтой уношусь далеко...
На кладбище, гдѣ соснами темными
Осѣнено жилище твое...
Я спасти не могла тебя, свѣтлая,
И отъ смерти тебя защитить;
Но я знаю, я знаю, любимая,
Ты простишь, если можно простить..

Е. ВИНОГРАДОВА.

БОЛЬШАЯ ЕЛКА.

Разсказъ Н. ПОТАПЕНКО.

Гл. 1.

Въ семь часовъ, когда Вѣра Александровна открыла глаза, было еще темно. Въ окна глядѣло что-то блѣдное и туманное и тусклое, силившееся изобразить петроградское утро.

Обычно она дремала еще часа полтора, пока не проснется Вася, но теперь она вспомнила, что сегодня непремѣнно нужно купить маленькую елочку для мальчика. Въ этомъ году ихъ привезли къ празднику неособенно много, онѣ не дешевы и съ каждымъ днемъ будутъ дорожать.

Она поднялась съ постели, быстро одѣлась, внимательно взглянула на шестилѣтняго сына, который, завернувшись въ теплое ватное одѣяльце, спалъ глубокимъ сномъ, и тихонько вышла изъ комнаты.

Въ корридорѣ уже горѣла лампочка, и горничная Стеша въ своей маленькой коморкѣ возилась съ хозяйскими башмаками. Вѣра Александровна сказала ей, чтобы прислушивалась къ Васѣ и вышла изъ квартиры, спустилась съ четвертаго этажа во дворъ, потомъ на улицу и на рынокъ. Тамъ ей безъ хлопотъ удалось найти подходящее деревцо, и взяли съ нея недорого, и къ восьми часамъ она была дома.

Проснулся Вася, она мыла его и одѣвала, Стеша принесла ему горячее молоко, а ей стаканъ кофе и хлѣбъ. Мальчикъ увидѣлъ елку и вспомнилъ о маленькомъ праздникѣ, который былъ у него въ прошломъ году съ зажженными свѣчами, съ пряниками и мандаринами, и задалъ Вѣрѣ Александровнѣ тѣ самые вопросы, которые и тогда пришли ему въ голову.

Это были вѣчные вопросы о папѣ, котораго онъ никогда въ жизни не видѣлъ, но твердо вѣрилъ, что онъ у него есть и скоро пріѣдетъ. Этотъ пріѣздъ какъ то самъ собой пріурочивался къ елкѣ. Папа пріѣдетъ на праздникъ и привезетъ большую-пребольшую елку, на которой будетъ горѣть столько свѣчей, сколько звѣздъ на небѣ, и будутъ висѣть изумительныя, никогда имъ невиданныя лакомства, фрукты и игрушки.

Началось это уже около трехъ лѣтъ тому назадъ, когда Вася впервые встрѣтился въ маленькомъ скверѣ съ такими же дѣтьми, какъ онъ, и узналъ, что у всѣхъ у нихъ есть папы. Тотчасъ же Вѣрѣ Александровнѣ были предложены вопросы: а у него, у Васи, есть папа?

Она не могла обидѣть мальчика и сказала, что есть. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ онъ подрасталъ, явились другіе вопросы: гдѣ-же папа? Почему онъ не живетъ съ нами? Вѣдь другіе папы живутъ со своими дѣтьми. Пріѣдетъ ли онъ и когда? И Вѣрѣ Александровна должна была на все это давать удовлетворительные отвѣты. Папа живетъ далеко, гдѣ то въ другомъ государствѣ, тамъ у него дѣла, которыя не позволяютъ ему жить съ ними. Но онъ пріѣдетъ непремѣнно и привезетъ огромную елку и множество игрушекъ.

А вопросы все рождались новые. А какой онъ? Высокій? Вотъ такой, какъ этотъ фонарь? У него длинные-предлинные усы и густая-прегустая борода? онъ красивый—красивѣе всѣхъ людей? Онъ умный, добрый, ласковый—умнѣе, добрѣе, ласковѣе всѣхъ людей?

Вѣра Александровна подтверждала всѣ его предположенія и у мальчика сложился легендарный образъ его папы.

Сперва эти вопросы причиняли ей боль, но потомъ она привыкла къ нимъ и стала смотрѣть на нихъ, какъ на одну изъ Васиныхъ игръ и отвѣчала на нихъ машинально, все, что взбредетъ въ голову. А сама слишкомъ хорошо знала, что у Васи папы нѣтъ и никогда онъ не пріѣдетъ и никакой елки и игрушекъ не привезетъ.

Когда Вася вырастетъ, онъ все узнаетъ и пойметъ, а теперь развѣ она можетъ лишить его этой мечты, такъ жестоко ограбить ребенка, у котораго и безъ того въ жизни такъ немного радостей? Этого она не могла сдѣлать, она для которой Вася былъ единственной причиной и цѣлью жизни. Не будь его на свѣтѣ, и она не жила бы. Тогда, когда случилось самое большое горе въ ея жизни—потому что оно слѣдовало сейчасъ же за самымъ большимъ счастьемъ,—она уже рѣшила, было, умереть, но мысль о ребенкѣ, который тогда еще не родился, но уже жилъ, удержала ее въ жизни.

И вотъ, брошенная на произволъ судьбы, отвергнутая родными, одинокая, не знавшая жизни и людей, ничего не умѣвшая дѣлать, она нашла въ себѣ силы устоять, перенести невыносимыя лишенія и бѣдствія, научилась работѣ, и теперь—служитъ въ частной технической конторѣ, получаетъ жалованье, которое кормитъ ее и Васю.

Въ половинѣ одиннадцатаго пришла двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Шура, которая за три рубля въ мѣсяцъ каждый день проводила съ Васей нѣсколько часовъ, пока Вѣра Александровна была на службѣ. Шура—дѣвочка спокойная, толковая, Вася къ ней привыкъ, и Вѣра Александровна съ полнымъ довѣріемъ оставляла съ нею мальчика. Сегодня и завтра—послѣдніе дни службы передъ праздникомъ, а тамъ—цѣлая недѣля отдыха. Она сдала Васю на руки Шурѣ и отправилась въ контору.

Тамъ она погрузилась въ цифры, какъ всегда. Но тоже, какъ всегда въ эти предпраздничные дни онѣ слагались и вычитались плохо. У нихъ какъ будто портился характеръ и оттого на каждомъ шагу получались ошибки. Въ голову врывались и вытѣсняли ихъ другія цифры, не столь сложныя, но зато свои. Нужно было распредѣлить остатокъ жалованья и скромныя наградныя, которыя предстояло получить къ празднику. Провизія подарки хозяйкѣ, Степѣ, Шурѣ, сапожки Васѣ, кофточка себѣ... А, кромѣ этихъ цифръ, еще мысли о томъ, что было когда-то и что нужно было забыть навсегда. И она забыла—для себя. Но вотъ Вася своими вопросами напоминалъ, и теперь объ этомъ думается и ничего она не можетъ подѣлать съ своими мыслями.

Гл. 2.

Въ губернскомъ городѣ. Отецъ чиновникъ, большая семья. Жили—ничего. Не роскошно, но безъ недостатковъ. [illegible] только-что и была такая глупая и ничего изъ того, что дѣлается на свѣтѣ, не понимавшая, какъ птичка, еще ни разу не вылетавшая изъ гнѣзда. Вотъ тогда это и случилось.

Онъ—изъ купеческой семьи, первые богачи въ городѣ считались. Высокій, стройный красавецъ, всѣ женщины въ городѣ вздыхали по немъ, о его романахъ ходили легенды. Какъ настоящій баловенъ судьбы, онъ бралъ и бросалъ, и, можетъ быть, сейчасъ же забывалъ.

Но странное дѣло—его не осуждали, ему прощали, потому что къ нему это такъ шло, и каждая, вздыхавшая по немъ, какъ будто именно только и хотѣла—быть взятой и брошенной.

Она встрѣтилась съ нимъ, когда онъ доканчивалъ военный мундиръ, отбывая воинскую повинность. Ему тогда было двадцать четыре года, и, можетъ быть, она была первая, вызвавшая въ его душѣ что-то болѣе глубокое, чѣмъ все, что было раньше. Такъ казалось ему самому, а ей—но развѣ она тогда умѣла думать? Была вся охвачена счастьемъ яркаго молодого чувства и, ни о чемъ не спрашивая, ни на что не надѣясь а просто вѣря, отдавала всю себя.

И, можетъ быть, это продолжалось-бы безъ конца; но когда прошли недѣли и мѣсяцы и онъ узналъ, что наступаютъ обязанности, въ немъ проснулся задремавшій, было, хищникъ и онъ охладѣлъ и отошелъ также грубо, какъ дѣлалъ это всегда. И съ этого момента жизнь начала обрушиваться на нее со всей своей безпощадностью.

Вокругъ нея разыгрывались подлыя исторіи. Отецъ требовалъ отъ него жениться, онъ предлагалъ деньги. Отецъ грозилъ скандаломъ, онъ торговался цинично и такъ оскорбительно для нея. А дома—упреки, угрозы и проклятія. Жизнь становилась невыносимой. И, Богъ знаетъ, откуда только у нея взялись силы—бросить все, и родной городъ и родной домъ, отказаться отъ всякой помощи и уѣхать въ столицу, чтобы тамъ въ многолюдной толпѣ никто изъ той жизни, которую она покидала, не нашелъ и не узналъ ее.

Какой это былъ страшный шагъ, тогда она не почувствовала. И вѣдь вотъ вынесла и выжила, и еще какъ. Не потеряла даже здоровья и той привлекательности, которая сослужила ей такую плохую службу. И теперь—кто смотритъ на нее, тому и въ голову не приходитъ, что Васю она родила чуть не на улицѣ, а потомъ голодала, бѣгала, обивала пороги, умоляла о какой нибудь работѣ, служила горничной и поденщицей, пока случайно не получила мѣсто въ конторѣ.

И вотъ теперь живетъ, и, получая семьдесятъ рублей, считаетъ себя богатой, ей на все хватаетъ и никого ей не нужно. И иногда она испытываетъ даже счастье отъ—того, что никто изъ тѣхъ, прежнихъ, не исключая даже и родныхъ, ничего не знаетъ о ней и, можетъ быть, считаютъ ее погибшей. Она-то знаетъ, что не погибла, и Васю своего кормитъ и выраститъ и ужъ какъ-никакъ, а сдѣлаетъ человѣкомъ.

Гл. 3.

Однимъ изъ поѣздовъ Николаевской жел. дор. пріѣхалъ въ Петроградъ прапорщикъ запаса Темировъ и остановился въ одной изъ дорогихъ гостинницъ, неподалеку отъ Невскаго проспекта.

Было около двѣнадцати часовъ, когда онъ, вымывшись и приведя себя въ порядокъ, потребовалъ адресъ-календарь Петрограда и принялся внимательно и сосредоточенно рыться въ толстой справочной книгѣ. Но книга разочаровала его. Въ ней онъ не нашелъ имени, которое ему было нужно.

Тогда онъ позвалъ коммиссіонера и приказалъ ему взять таксомоторъ и сейчасъ же ѣхать въ адресный столъ и какъ только можно скорѣе достать тамъ справку о Вѣрѣ Александровнѣ Вощиной. Справка была у него черезъ часъ. Тамъ была указана улица на Петроградской сторонѣ, онъ туда и поѣхалъ. Узналъ, что Вощиной нѣтъ дома и что она въ эти часы обыкновенно бываетъ на службѣ. Допросилъ о мѣстѣ службы и поѣхалъ туда.

Онъ былъ высокаго роста, но далеко уже не такой стройный, какъ въ тѣ времена. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Онъ давно уже сдѣлался самостоятельнымъ владѣльцемъ отцовскихъ дѣлъ и богатства, но жилъ попрежнему одинъ, нисколько не отказываясь отъ благъ, которыя давали ему деньги и положеніе.

Въ началѣ войны онъ долженъ былъ итти изъ запаса на службу, но духъ его никогда не былъ воинственнымъ и онъ всѣми силами старался—если не устранить, то хоть отдалить тотъ непріятный моментъ. И это ему удавалось, но вдругъ сорвалось: онъ долженъ былъ надѣть военную шинель и итти съ другими, куда пошлютъ.

И тутъ онъ все-таки принималъ экстренныя мѣры, чтобы остаться въ тылу, и была надежда, но она его обманула. И когда онъ убѣдился въ томъ, то вдругъ почувствовалъ, что стоитъ передъ смертью. Да, такъ близко подошла она къ нему, что онъ постоянно ощущалъ холодъ ея дыханія.

Дней десять было въ его распоряженіи, чтобы устроить всѣ сложныя дѣла, а тамъ—ужъ онъ зналъ это—въ самую гущину огня, свистящихъ пуль и летающихъ и разрывающихся въ воздухѣ снарядовъ.

И что-то необъяснимое случилось съ нимъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ встрѣчъ, сдѣлавшихъ его жизнь похожей на живой и пестрый калейдоскопъ, онъ вспомнилъ только одну.

Ни разу за все время, послѣ того, какъ кончились тѣ отвратительныя исторіи, онъ не вспомнилъ о ней. Жизнь чуть не каждый день приносила ему новыя захватывающія впечатлѣнія и въ душѣ не было мѣста для воспоминаній.

А тутъ вдругъ представилась она и не столько сама Вѣра Александровна, сколько что-то другое, связанное съ нею и съ той встрѣчей. Существо, которое должно было родиться.

Родилось-ли? Живетъ-ли? Жива-ли она сама? Всѣ эти вопросы властно захватили все его вниманіе и онъ, какъ бы повинуясь какому-то незримому приказу, началъ дѣятельно искать отвѣтовъ. Разспросы, намеки, полуслова, телеграммы... Добылъ свѣдѣніе, что она живетъ въ Петроградѣ и помчался туда.

И вотъ, около трехъ часовъ дня, когда полумракъ столичныхъ улицъ уже пронизывалъ свѣтъ электрическихъ фонарей, автомобиль остановился у подъѣзда на Морской улицѣ и изъ него вышелъ на тротуаръ прапорщикъ запаса Темировъ.

Поднялся во второй этажъ, вошелъ въ контору, спросилъ о Вощиной — она здѣсь. Попросилъ вызвать, но не сказалъ своего имени. Былъ какой то необъяснимый страхъ, что, узнавъ имя, она не выйдетъ къ нему. Убѣжитъ, скроется и онъ никогда уже не увидитъ ее.

«Имѣетъ право», подумалъ онъ.

И она вышла, подняла глаза и попятнулась. Одна только воля, которую она за эти годы борьбы и побѣды съумѣла сдѣлать сильной, поддержала ее.

Не понимала его словъ, не знала, что сказать.

— Вы можете... полчаса? Мнѣ необходимо, неизбѣжно...

— Зачѣмъ? Какъ-то машинально произнесла она.

— Я разскажу... Я объясню?...

И она повѣрила не словамъ его, а глазамъ, въ которыхъ было что-то глубокое, какъ бы дѣйствительно говорившее о неизбѣжномъ. Она согласилась. Отпросилась у начальства и вмѣстѣ они вышли.

Въ скверѣ, на усыпанной свѣжимъ снѣжкомъ аллеѣ, шли они рядомъ. Онъ говорилъ одинъ. Она слушала.

— «Дѣло не въ томъ», что когда-то я поступилъ безчестно... Вѣдь не съ одной вами, а со всѣми. Все равно, этого нельзя ни отмолить, ни искупить... Но я уже въ рукахъ смерти. Она можетъ пощадить меня, но ей также ничего не стоитъ придушить меня однимъ своимъ костлявымъ пальцемъ. И тогда... тогда уже это будетъ непоправимо... Не любовь, не страсть, не воспоминаніе о счастливыхъ минутахъ... Ахъ, этого всего было въ жизни слишкомъ много... Но что-то высшее, чего мы постигнуть не можемъ и назвать не умѣемъ. Что-то невѣдомое, требующее отчета.... Итакъ: у меня въ распоряженіи осталось шесть дней. Наступятъ праздники. Насъ обвѣнчаютъ. Вамъ, Вѣра Александровна, этого не нужно, знаю, но сыну нужно имя, онъ его получитъ. И если я умру, вотъ бумага, дающая вамъ право вмѣстѣ съ нимъ наслѣдовать все, что принадлежитъ мнѣ. Если останусь живъ, вы сами рѣшите, кѣмъ будете для меня.

Вѣра Александровна смутно слышала, что онъ говорилъ. Она поняла его слова впослѣдствіи, но тогда думала не объ этомъ, а о томъ, что вотъ сбывается сладкая мечта Васи увидѣть, наконецъ, своего отца. Правда, онъ не такой, какимъ мальчикъ представлялъ его себѣ. У него нѣтъ длинныхъ-предлинныхъ усовъ и густой-прегустой бороды, но это онъ проститъ ему.

И она, даже не дослушавъ, сказала ему:

— Не знаю, ничего не знаю. Вамъ покажется страннымъ: но я такъ страшно боролась за то маленькое, что у меня есть, такъ много потратила на это силъ, что оно дорого мнѣ, какъ какое-то драгоцѣнное сокровище, и боюсь перемѣнить его даже на лучшее. И потому не знаю, ничего не знаю. Но вы придите сегодня къ намъ и привезите съ собой самую большую елку, какую только сможете найти и много-много игрушекъ, украшеній и сластей.

— Зачѣмъ это? Невольно спросилъ онъ, удивленный тѣмъ, что на его глубокое рѣшеніе, она отвѣчаетъ чѣмъ-то похожимъ на шутку.

— Я вамъ скажу: сама я никогда ни на что не надѣялась, но Васю не смѣла лишить права мечтать, что онъ когда-нибудь все-таки увидитъ своего отца. И онъ не можетъ представить себѣ его иначе, какъ съ большой елкой...

Да, да. И того, кто придетъ къ нему безъ большой елки, онъ не признаетъ за отца...

Гл. 4.

Въ шесть часовъ, къ дому гдѣ жила Вѣра Александровна, подъѣхала телѣга. Дворники сняли съ нея огромную елку, внесли ее во дворъ и втащили въ четвертый этажъ. Потомъ туда-же внесли множество свертковъ и ящиковъ съ игрушками, украшеніями и сластями.

И только послѣ того—какъ все это было уставлено въ небольшой комнатѣ, которую занимала Вѣра Александровна, и заполнило всю комнату, явился прапорщикъ запаса Темировъ.

И Вася очень легко примирился съ отсутствіемъ на его лицѣ длинныхъ-предлинныхъ усовъ и густой-прегустой бороды.

На четвертый день праздника въ одной изъ небольшихъ церквей Петроградской стороны прапорщикъ запаса Темировъ обвѣнчался съ Вѣрой Александровной Вощиной, и въ тотъ же день уѣхалъ на фронтъ.

Н. ПОТАПЕНКО.

МУХИ.

Разсказъ АЛ. РОСЛАВЛЕВА.

1.

Когда стоявшія противъ окна двѣ неуклюжія, словно сдѣланныя изъ ваты бабы и мухортый, подслѣповатый мужиченко подвинулись вмѣстѣ съ платформой вправо, о. Геннадій нѣсколько разъ медленно въ раздумьи перекрестился, досталъ изъ кармашка рясы серебряные часы, завелъ ихъ, и, сложивъ руки на полномъ, туго обтянутомъ животѣ, сказалъ сыну:

— Ну, вотъ, Сеничка — стало быть ѣдемъ.

Сеничка глядѣлъ въ окно и не отвѣтилъ. По его грубому невыразительному лицу трудно было догадаться, о чемъ онъ думаетъ; но о. Геннадій хорошо зналъ, какія у него могутъ быть мысли: по билліардамъ заскучалъ да по пріятелямъ и надулъ губы-то.

У о. Геннадія всегда была твердая увѣренность, что ему удастся образумить сына и поставить его на ноги, а теперь такой подходящій случай; по первоначалу то, конечно, не пойметъ своей пользы, а потомъ спасибо скажетъ. Большого труда стоило о. Геннадію уговорить его ѣхать вмѣстѣ.

Съ первыхъ же дней, какъ стали приходить оттуда вѣсти о подвигахъ ратныхъ, о. Геннадій засуетился, написалъ разнымъ лицамъ просительныя, обстоятельныя письма, побывалъ у владыки, у губернатора и выхлопоталъ назначеніе. Не могъ управиться съ дѣлами, чтобы сняться одновременно со своимъ полкомъ, и вотъ поспѣвалъ слѣдомъ.

О. Геннадій былъ любопытенъ и любилъ дорожную толкотню, а тутъ еще такое дѣло, такъ какъ же не достать изъ саквояжа пирожковъ съ лукомъ, не попить чайку и не подумать обо всемъ сызнова, на провѣрку. Со второй-же станціи, синій эмалированный чайникъ задымился паркомъ и заколыхался въ стаканахъ, зазолотился на солнце чай.

Что-же не льешь,—спросилъ о. Геннадій, видя, что сынъ, какъ уставился въ окно такъ и сидитъ.

— Не убѣжитъ, выпью.

И опять замолчали, а хотѣлось бы о. Геннадію поговорить по душѣ—ну да Богъ съ нимъ, и о. Геннадій занялся разглядываніемъ пассажировъ.

Вагонъ былъ полонъ, много ѣхало евреевъ акцизный чиновникъ, двое съ повязками Краснаго Креста, вольноопредѣляющійся, все—плацкартные; а мужики наворотили бы узловъ, такую бы развели зелень, не продохнуть.

О. Геннадій радъ ихъ послушать, у нихъ слово-то отъ самого корня, только усталъ онъ со сборами и въ дорогѣ нельзя безъ удобства, а то пріѣдетъ разбитый, шестой десятокъ, кости-то жалуются.

Мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ и пріятно позвякивалъ, а чай въ дорогѣ всегда горячѣе и вкуснѣе, чѣмъ дома.

Въ окно тянуло гарью, лѣто было знойное и дымили лѣсные пожары.

— Поколѣть хочется, а не ѣхать...

О. Геннадій съ безпокойствомъ взглянулъ на сына и поставилъ стаканъ.

— Съ чего ты это!...

— Да, конечно, что мнѣ тамъ дѣлать?!...

— За тобой кадило носить, покойниковъ я не видалъ?...

— Ахъ, Сеничка, какъ ты всегда....

— Ну, я бы санитаромъ былъ, а то ѣду какъ дуракъ.

— Да ты-жъ самъ не хотѣлъ, одно бы слово Маврикію Васильевичу.

— И не хочу, ты меня съ собой потащилъ, а я не думалъ.

О. Геннадій опасливо оглядывался, стыдясь за своего Сеничку, но было говорно, вагонъ громыхалъ и на нихъ никто не обращалъ вниманія.

— Мнѣ поможешь.

О. Геннадій былъ опытенъ въ людяхъ, понималъ, что и правду надо говорить во время, какъ худо про другого не думаешь, а лучше иной разъ промолчать, чтобы еще болѣе человѣка не озлобить; такъ и теперь ясно ему было, что Сеничка привыкъ къ легкой, лѣнивой жизни и не знаетъ, куда себя опредѣлить, и что словами не поможешь, а вотъ какъ увидитъ онъ тамъ, какую муку терпятъ, и застыдится, потому что душа-то у него добрая.

Попивъ чайку, о. Геннадій надѣваетъ сѣрую соломенную шляпу и выходитъ на площадку.

Все поля ржи, да луговины, мѣстами начали жать, среди колосьевъ платки, а колосья кланяются, кроетъ ихъ желтымъ дымомъ отъ паровоза и они словно бы пугаются.

День самый іюльскій, такъ и паритъ.

О. Геннадій обмахивается шляпой, проводитъ пухлой рукой по сѣдымъ, вьющимся волосамъ и улыбается. У него мирное, благодушное лицо. Отъ улыбки оно еще пріятнѣе.

— Русь-то наша—думаетъ онъ, и хоть не можетъ найти ей подходящаго опредѣленія, но чувствуетъ его въ себѣ самомъ, потому и просторно и душа силу копитъ.

Передъ спущеннымъ шлагбаумомъ остановился возъ со снопами, на нихъ сидитъ парень въ бѣломъ картузѣ. О. Геннадій крикнулъ бы ему, что нибудь на прощанье, но уже нѣтъ его, мелькнулъ телеграфный столбъ, словно жесть блеснуло болото.

О. Геннадій поднимаетъ руку и благословляетъ закипающую облаками даль, а на глазахъ его слезы...

2.

Сейчасъ же за деревней на половину выгорѣвшей отъ снарядовъ, стояла батарея. Крестьяне всѣ убрались и увезли съ собой, что только могли. Осталось лишь нѣсколько собакъ, которыя выли по ночамъ на далекія зарева, а днемъ подлащивались къ солдатамъ, виляя хвостомъ и обнюхивая ихъ сумки.

Изба, въ которой помѣстился о. Геннадій, находилась рядомъ съ офицерской, то одинъ, то другой забѣгали къ нему выпить чаю.

О. Геннадій прибилъ надъ окнами и надъ дверью еловыя вѣтки, слѣдилъ, чтобы скатерть на столѣ была въ порядкѣ, по-домашнему. Первая недѣля прошла въ хлопотахъ, а потомъ такъ приспособился, словно бы всю жизнь былъ въ походѣ. Только къ пушкамъ не могъ привыкнуть, вздрагивалъ и крестился, не то чтобы отъ испуга, а отъ какой-то внутренней соболѣзнующей тревоги.

Радовался на Сеничку, и ласковѣе онъ сталъ, и тверже въ мысляхъ.

Каждое утро и вечеръ о. Геннадій ходилъ на батарею; многихъ изъ солдатъ онъ уже зналъ по имени, и ведя съ ними ясныя, спокойныя бесѣды примѣчалъ ихъ уважительное, питовое къ нему отношеніе.

Разъ былъ подъ огнемъ, испыталъ себя—ничего, не оробѣлъ; похоронилъ въ тотъ же день четверыхъ. Когда въ неглубокую наскоро вырытую могилу положили ихъ рядомъ и запѣлъ, голосъ его сдавила жалость; даже дымокъ кадила показался не такимъ, какъ всегда, словно бы благолѣпнѣе и жертвеннѣе; въ рыхлый песчаный бугоръ воткнули сбитый изъ двухъ сѣрыхъ досокъ крестъ. Сколько о. Геннадію пришлось за свою жизнь перевидать могилъ, а это была первая, о которой онъ думалъ потомъ всю ночь, к которая осталась памятной навсегда.

Чаще другихъ заглядывалъ къ о. Геннадію капитанъ Грушко; неразговорчивый, дѣловито-серьезный, садился онъ у окошка, ставилъ на подоконникъ кружку съ чаемъ, и его немного грустные сѣрые глаза замѣтно темнѣли.

— Ну что, Андрей Семенычъ, какъ у васъ?—спрашивалъ о. Геннадій.

— Пока что, молчимъ.

И молчали вплоть до той ночи, послѣ которой о. Геннадій сталъ неузнаваемъ.

Спали съ открытыми окнами: о. Геннадій на лавкѣ, Сеничка у стѣны на соломѣ. Иногда ворчали гдѣ-то вдали орудія, то яснѣе, то глуше; мѣшались въ безпокойный гомонъ голоса на мосту—это проходили свои; крѣпкая нужная брань, лошадиное фырканье, топотъ и опять все тихо.

Сонъ у о. Геннадія былъ чуткій, а тутъ вѣрно послѣ дождя разморило, разбудилъ Сеничку и почти что въ ту же секунду, какъ о. Геннадій открылъ глаза, крышу противоположной избы освѣтило до того ярко, словно на нее свалилось солнце, отъ тяжкаго, съ металлическимъ отгуломъ взрыва; послышались изъ рамъ стекла и обоихъ шатнуло отъ окна.

Когда они выбѣжали на улицу отъ занявшейся избы было уже такъ свѣтло, что хоть иголку ищи; ихъ осыпало искрами и выросли, закачались несуразныя тѣни.

Батарея молчала, тамъ словно не замѣчали, что все небо визжитъ и стонетъ, и лопается.

О. Геннадій не обратилъ вниманія, когда отсталъ отъ него Сеничка, и только потому остановился, что споткнулся на подвернувшуюся подъ ноги, жалобно заскулившую собаку.

Оглянулся, а Сеничка лежитъ посреди улицы, неловко поджавъ ноги.

Догадался о. Геннадій, но не повѣрилъ догадкѣ, а когда подбѣжалъ, нагнулся и увидѣлъ на губахъ Сенички кровь, зашепталъ:

— Господи Іисусе, Господи Іисусе...

Слова эти безпомощныя и трескъ пылающихъ бревенъ, и затлѣвающая отъ искръ ряса, и адъ небесный, все стало глумленіемъ надъ его душой.

Послушалъ бьется ли у Сенички сердце—сердце билось и сталъ звать на помощь о. Геннадій.

**

Капитанъ Грушко сталъ навѣдываться къ о. Геннадію все чаще и чаще, и хотя говорилъ все также мало, однако съ большой охотой. Но о. Геннадій не замѣчалъ этого, многого не замѣчалъ; ни того, съ какимъ соболѣзнованіемъ глядѣли на него солдаты, ни спутанныхъ волосъ своихъ, ни порваннаго рукава рясы; забывалъ надѣвать шляпу, сбивался при чтеніи молитвъ и уходилъ такъ далеко за деревню, что офицеры, изъ опасенія, какъ бы чего съ нимъ не случилось, посылали за нимъ подъ какимъ нибудь предлогомъ.

Цѣлыя ночи шагалъ изъ угла въ уголъ и простаивалъ у окна. Многіе слышали, какъ стоналъ.

Батарея лихо отплевалась въ ту ночь и опять насторожилась, выжидая. Опредѣленно боялся теперь ея пушекъ о. Геннадій и около нихъ не останавливался, а онѣ спокойныя, узкія шеи, лоснились на солнцѣ.

Какъ будто все еще былъ іюль, такіе золотые горѣли дни, и разъ въ обѣдъ, когда въ избѣ все чуть не пѣло отъ свѣта, о. Геннадій занавѣсилъ окна—одно подрясникомъ, а другое скатертью.

— Что это вы батюшка?—удивился Грушко.

— Въ глазахъ рябитъ.

Но о. Геннадій сказалъ неправду,—странное безпокойство ощутилъ онъ отъ солнечной яркости.

— И чай мимо стакана льете—эхъ вы...

О. Геннадій смутился и поставилъ чайникъ.

Прошло нѣсколько минутъ неувѣреннаго молчанія и вдругъ о. Геннадій признался.

— Все думаю и не вижу этому конца.

— Войнѣ-то?...

— Злобѣ человѣческой.

О. Геннадій сидѣлъ на лавкѣ, разставивъ ноги и потирая рукой колѣно, въ движеніи этомъ примѣчалась возбужденность, словно бы хотѣлъ сказать, что надо, потомъ сейчасъ же встать и уйти.

— А я такъ смотрю проще-съ. Исторія идетъ своимъ порядкомъ. Въ результатѣ, конечно, единое человѣчество, а до этого неизбѣжное столкновеніе цѣлаго ряда культуръ. Я славянинъ, люблю свою кровь и это сильнѣе всякихъ философій.—Вѣрю, батюшка.

— Не согласенъ,—поднялся о. Геннадій,—разъ мы дошли до пониманія Евангелія. Что вы, какъ же это можно?...

— А вотъ видите фактъ на лицо.

— Ошибка.

— Законъ, батюшка.

Были у о. Геннадія еще возраженія, но чувствовалъ, что они не къ чему. Потерялъ онъ вѣру въ слова, да и безпокойство мѣшало, словно бы чего не сдѣлалъ и надо куда-то спѣшить.

Вышелъ о. Геннадій на крыльцо, постоялъ, хотѣлъ вернуться, потому что неловко же такъ кончить разговоръ и оставить гостя, но словно бы его кто не пустилъ, и вотъ уже онъ на улицѣ пылитъ сапогами и печетъ ему лобъ солнце.

Туда къ мосту, а зачѣмъ,—не знаетъ... Черныя кучи угля. Полуразвалившіяся печи.. Ласточки щебечутъ....

— Законъ... какой же это законъ?—Растерянно думаетъ о. Геннадій, и словно бы настоящихъ мыслей у него нѣтъ, а какія то подставныя, неизвѣстно откуда взявшіяся, мѣшаныя...

Не безпокойство, страхъ у него теперь; хоть бѣжать, такой страхъ.

Идетъ быстро, не оглядываясь, мало ли, что тамъ, такъ ужъ лучше не оборачиваться...

— А, мостъ прошелъ, это слава Богу, прошелъ...

— Ну и вонь...

И о. Геннадій останавливается. Дохлая лошадь съ вытянутыми ногами, половина челюсти отвалилась и два желтыхъ зуба, словно ихъ кто вырвалъ щипцами, лежатъ отдѣльно, языкъ побурѣлъ, а въ глубинѣ зѣва какъ въ ульѣ, гуднѣнье—мухи, налипло ихъ на каждый сучекъ. Садятся, какъ пьяныя, одна на другую, ползаютъ, пищутъ, гдѣ послаще...

— Законъ,—вспоминаетъ о. Геннадій, и не можетъ двинуться, притянуло его взглядъ..

Поднялъ съ дороги камень и кинулъ,—попали, всполошились, снялись разомъ съ сердитымъ жужжаніемъ и сейчасъ же опять на мѣсто, а одна на рукавъ ему сѣла... Согналъ ее и пошелъ прочь о. Геннадій съ тяжестью и недоумѣньемъ.

— Законъ,—повторялъ онъ вслухъ,—все законъ...

Вернулся въ избу совсѣмъ не въ себѣ,—а на столѣ письмо.

Разорвалъ конвертъ, сталъ читать и радость захватила его.

— Сеничка пишетъ, самъ..., поправляется стало-быть, и такъ складно, хорошо пишетъ, такія слова умныя...

И раскрылась душа о. Геннадія восторженно.

— Вотъ оно, черезъ страданія прошелъ и очистился, а я, законъ!..., всѣ наши законы человѣческіе, а кто знаетъ въ точности законъ Господа Нашего?

И улыбаясь, держа въ рукѣ письмо о. Геннадій опустился на лавку.

— Слава Богу,—сказалъ онъ,—а я то, до какой дошелъ слабости, въ законъ повѣрилъ, въ законъ, въ человѣческій...

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВЛЕВЪ.

СНѢЖНАЯ ДѢВА.

Разсказъ НИНЫ ИВАНОВОЙ.

Горевановскій учитель Смирновъ, заканчивая послѣдній, четвертый урокъ, находился въ радостномъ возбужденіи. Еще бы ему не нервничать и не глядѣть поминутно украдкой на часы, съ нетерпѣніемъ ожидая, пока стрѣлка не укажетъ завѣтной цифры!

Сегодня отпускъ на рождественскія каникулы, двухнедѣльный отдыхъ, которому онъ, двадцатилѣтній юноша, не менѣе радъ, чѣмъ его школьники. А затѣмъ... Затѣмъ его ожидаетъ поѣздка въ губернскій городъ, о которой онъ мечтаетъ самымъ радужнымъ, самымъ увлекательнымъ образомъ. Въ его карманѣ лежитъ письмо отъ старшаго товарища, тоже когда-то народнаго учителя, но потомъ бросившаго школу, перебравшагося въ городъ и пристроившагося въ качествѣ сотрудника къ мѣстной газетѣ; въ этомъ письмѣ онъ пишетъ (Смирновъ знаетъ всѣ слова наизусть): «Пріѣзжай ко мнѣ на Рождество; будемъ ходить въ театръ. Чудакъ! Ты еще не былъ тамъ; не слыхалъ никогда ни одной оперы. Бѣдняга! Но теперь, ты увидишь и «Фауста» и «Травіату», и «Риголетто». Хочешь, я познакомлю себя съ бѣлокурою Джильдой? Кто знаетъ? Ты такой хорошенькій, чистенькій, а она не всегда продаетъ свое сердце съ аукціона... Впрочемъ, умолкаю: вижу, что ты хмуришься, горевановскій анахоретъ... А не плюнуть ли, пока не поздно, тебѣ совсѣмъ на свою берлогу?»...

Не уйти ли, въ самомъ дѣлѣ, отсюда, какъ сдѣлалъ его товарищъ, въ большой городъ, къ той новой неизвѣстной яркой жизни, какою живутъ тамъ? Смирновъ оглядѣлся вокругъ.

Бревенчатыя, запыленныя плохо проконопаченныя и оттого мѣстами промерзшія стѣны класса, убого украшенныя рваными картинами и таблицами; старыя полуизломанныя парты и исчерченный столъ, къ которымъ больно дотронуться рукой,—такъ холодно въ комнатѣ,—черныя, бѣлыя головки дѣтей, склонившіяся надъ тетрадями, — печальная обстановка, но онъ къ ней привыкъ сроднился съ ней сердцемъ и, пожалуй, трудно оторвать будетъ его отъ нелюбимой, но милой въ то же время деревни. Смирновъ невольно вздохнулъ...

Но вотъ кончился и урокъ. Ученики шумно разбѣжались изъ школы, а Смирновъ, пославъ одного изъ нихъ сказать, чтобы запрягали лошадь, прошелъ въ свою коморку рядомъ съ классомъ. Обѣдать онъ не будетъ,—нѣтъ аппетита отъ радости, да и пора ѣхать: до станціи вѣдь 25 верстъ, а это на одной лошади составитъ не менѣе трехъ часовъ, т. е. едва поспѣютъ къ поѣзду.

Смирновъ взялъ было со стола розовую книжку «Образованія» за старый годъ, но не могъ читать. Въ головѣ рисовались картины одна заманчивѣе другой: путешествіе за 500 верстъ, пусть и въ четвертомъ классѣ, шумный городъ, сіяющій огнями театръ, музыка и пѣніе, и она, таинственная, бѣлокурая Джильда, которая, какъ пишетъ товарищъ, можетъ его... Фу, какія глупости проходятъ на умъ! Однако, какъ холодно на дворѣ,—не меньше 30 градусовъ. Какъ-то онъ поѣдетъ къ своемъ ватномъ пальтишкѣ отъ Манделя, купленномъ въ прошломъ году за 15 руб. А можетъ быть ему дастъ шубу богатый мужикъ—сосѣдъ, котораго онъ просилъ о томъ?..

Но кто-то стукнулъ сѣнными дверями. Пріѣхали за нимъ!

Въ комнату вваливается полумедвѣдь, получеловѣкъ—ямщикъ Иванъ,—такъ онъ закутанъ въ мѣха, полушубокъ и ягу.

— Здравствуй, Митрій Митричъ! Собирайся, поѣдемъ.

— А за шубой не заѣзжалъ? Заѣзжалъ?—спрашиваетъ Смирновъ.

— Заѣзжалъ. Не далъ. Говоритъ: «Жалованье получаетъ, пусть свою покупаетъ, а драть чужую неча»...

На лицѣ у Смирнова проступаетъ легкая краска стыда. Вотъ она деревенская жизнь, та народная правда, о которой онъ мечталъ идя въ деревню, начитавшись Златовратскаго, Засодимскаго и другихъ народниковъ! И больно и обидно.

Одѣвшись въ свое пальтишко и взявъ немудрый багажъ, Смирновъ вышелъ на крыльцо. Адски холодно, но ничего,—какъ нибудь доѣдетъ: не первая зима волку, обтерпѣлся достаточно.

Бѣгутъ мимо занесенныя снѣгомъ избенки, посылающія изъ трубъ въ небо высокіе, стоячіе столбы дыма; всѣ запушенныя инеемъ придорожныя березы; бѣлыя, снѣжной скатертью, убранныя поля. Холодно, но на сердцѣ легко и весело. Джильда... Джильда... звучитъ какъ радостный говоръ колокольчика. «Джильда,—откуда это? Изъ «Фауста»? Нѣтъ, тамъ Маргарита. Должно быть изъ «Риголетто»,—объ этой оперѣ Смирновъ ничего не слыхалъ. О чемъ говорится въ ней? Конечно, ужъ о чемъ-нибудь прекрасномъ, возвышенномъ, неизмѣримо далекомъ отъ юнценской дѣйствительности, отъ Горевановой. Только зачѣмъ онъ пишетъ такъ плохо о ней? Неужели тамъ всѣ женщины таковы? Разумѣется, нѣтъ».

Начинаетъ темнѣть. Смирновъ давно уже страшно озябъ; кончики пальцевъ на рукахъ и ногахъ онъ не чувствуетъ и старается согрѣть ихъ движеніемъ.

— Иванъ! Далеко до станціи?

— Да верстовъ съ десятъ будетъ. Сорочьяго колка еще не видать, равнодушно отвѣчаетъ разбуженный отъ дремоты ямщикъ.

«Сорочьяго колка» не видать, — и у Смирнова невольно падаетъ сердце. «Сорочій колокъ»—березовая роща, куда сваливаютъ палыхъ лошадей и куда слетается множество сорокъ, а отъ него самая трудная часть пути: возвышенное, открытое мѣсто, гдѣ гуляютъ свободно всѣ вѣтры, гдѣ Смирновъ всегда мерзнетъ. Страшное мѣсто, онъ прямо боится его. Но ничего, онъ будетъ думать о городѣ, о театрѣ, о Джильдѣ, и ему станетъ тепло!..

Сдѣлалось совсѣмъ темно, морозная мгла задернула все окружающее; сквозь нее вверху лишь посверкивали холоднымъ, враждебнымъ свѣтомъ яркія звѣзды, слышалось поскрыпываніе полозьевъ саней да рѣдкое фырканье лошади.

Смирнову, къ его удивленію, было не такъ холодно, какъ раньше: что-то теплое поднималось у него извнутри и грѣло озябшее тѣло; хотѣлось спать.

Мало-по-малу дѣйствительность начала отступать, замѣняясь чѣмъ-то туманнымъ, неопредѣленнымъ, расплывчатымъ. Казалось, что съ полей встаетъ кто-то бѣлый, нѣжный и ласковый, и шепчетъ вкрадчивыя рѣчи.

Смирновъ погружался въ забытье все больше и больше и уже ясно слышалъ надъ собой чьи-то зовущія слова:

— «Зачѣмъ тебѣ городъ, театръ, развратная Джильда? Ты отдалъ жизнь этимъ холоднымъ, пустыннымъ полямъ, ты ихъ, ты—мой. Я—Снѣжная Дѣва этихъ полей и не уступлю тебя никому. Ты—мой!..»

. . . .

Блеснула розсыпь зеленыхъ огней станціи.

—Митрій Митричъ, вылѣзай: пріѣхали.

Но Смирновъ молчалъ...

Скромный горевановскій учитель праздновалъ вѣчное обрученіе съ Снѣжной Дѣвой полей, послѣ котораго не возвращаются больше на землю.

НИНА ИВАНОВА.

Шутки жизни.

Разсказъ МИХ. БОРИСОВА.

1.

Въ сочельникъ, какъ всегда въ одинадцать позвонили, и вскорѣ, отворявшая, горничная принесла почту въ столовую, гдѣ семья Ростовыхъ уже сидѣла за чаемъ.

Катя, отбросивъ газеты, схватила два письма, лежавшія сверху, и тотчасъ же бросилась къ матери, крича: «Сашино письмо»!

Радостное выраженіе промелькнуло на лицѣ у Екатерины Васильевны и, взявъ письмо изъ рукъ Кати, она нервно и торопливо вскрыла его.

Саша писалъ то, что обыкновенно пишутъ съ войны.

Но то, что ему чуть не ежедневно приходится драться, что вокругъ него ежеминутно рѣетъ смерть, взволновало всѣхъ.

Однако это продолжалось недолго. Вѣдь Саша былъ живъ, а это въ данный моментъ было самое главное.

Выраженіе особеннаго материнскаго чувства блуждало на лицѣ Екатерины Васильевны, когда она еще разъ перечитывала письмо сына.

По датѣ было видно, что письмо написано недѣли за двѣ до Рождества и Катя, ожидавшая, что Саша получилъ, ея подарки стояла разочарованная и выражая это безъ словъ, лишь комкала въ рукахъ второе письмо.

На радостяхъ объ этомъ письмѣ какъ будьто забыли.

Когда уже начали вставать изъ-за стола Екатерина Васильевна вспомнила и о немъ.

«Гдѣ же второе письмо? Кому оно?».

«Тебѣ, мама! проговорила Катя, отдавая письмо.

Адресъ былъ написанъ незнакомой рукой, но письмо было тоже съ войны.

Недоумѣвая Екатерина Васильевна держала письмо въ рукахъ и точно не хотѣла вскрывать его.

Какое то тяжелое чувство вдругъ охватило ее и на душѣ уже не было того радостнаго настроенія, того покоя, которые охватили ее послѣ письма сына.

И дѣти, точно поддавшись скрытному настроенію матери, вдругъ стали какими то другими и напряженно, и серьезно ждали; когда мать прочитаетъ письмо.

Только одинъ Павелъ Петровичъ уткнулся въ газету и казалось забылъ объ окружающемъ.

Разорвавъ конвертъ, Екатерина Васильевна медленно вынула письмо и развернувъ тонкую бумагу начала читать.

Совершенно незнакомый трудно разбираемый почеркъ.

И вдругъ слова и буквы точно поплыли передъ ея глазами.

«Мы сговорились, если съ кѣмъ изъ насъ случится несчастье, написать объ этомъ роднымъ. Какъ мнѣ не тяжело, но я долженъ сообщить вамъ, что Саша убитъ. Тяжелый снарядъ разорвался около группы солдатъ, въ которой былъ и онъ. Мы наступали и бѣжали впередъ, но я видѣлъ, какъ всѣхъ ихъ разметало въ стороны и что Сашу также отбросило въ сторону и съ силой ударило объ землю. Должно быть онъ умеръ сразу».

Какъ то тихо, безъ крика, Екатерина Васильевна повалилась на полъ.

Письмо она читала про себя, но всѣ поняли, что въ немъ было что-то ужасное.

Катя налету схватила письмо и ея отчаянный крикъ: «Сашу убили», пояснилъ все.

Газета вылетѣла изъ рукъ Павла Петровича и онъ какими-то дикими глазами смотрѣлъ вокругъ себя.

2.

Передъ двѣнадцатью ночи у Ростовыхъ всегда служили молебенъ, а уже послѣ него зажигали елку.

Служилъ старый и дряхлый священникъ о. Павелъ, которому уже давно было нужно на покой, но Ростовы привыкли къ нему и онъ сталъ для нихъ какъ бы необходимостью въ этотъ вечеръ.

День прошелъ какъ то сумбурно.

Когда опомнились отъ внезапнаго несчастья, обрушившагося на ихъ семью, то уже окончился короткій зимній день и наступилъ вечеръ.

Екатерина Васильевна съ которой едва отводились, вставъ съ постели, сдѣлалась точно другая.

Казалось уже ничто не волновало ее. Она точно замерла и вся ушла въ себя.

И только по временамъ, когда взглядъ ея останавливался на чемъ-либо напоминавшемъ погибшаго любимаго сына, заламывала руки и шептала: «Да, неужели же?»

Однако она рѣшила, что панихиду по Сашѣ впервые будутъ служить передъ двѣнадцатью ночи.

Извѣстили священника и родныхъ.

Катя и другія дѣти бродили изъ угла въ уголъ и плакали цѣлый день и какъ видно младшихъ болѣе огорчало то, что всегда такая торжественная встрѣча Рождества, съ горящей и нарядной елкой, теперь уже не состоится.

Около одинадцати, когда на улицѣ звѣзды заливали небо и снѣгъ подъ ногами точно горѣлъ, пришелъ старенькій отецъ Павелъ съ дьячкомъ.

Онъ долго шамкалъ слова, выражая свое сожалѣніе объ убіенномъ.

И видно было, что всѣмъ было не до него и слушали его лишь изъ уваженія къ сану.

Собрались кое кто изъ родныхъ.

Царило неловкое молчаніе, какъ будто всѣмъ было непосебѣ, изъ за того, что въ тѣ часы, которые привыкли проводить совсѣмъ иначе, собираются служить панихиду и оплакивать смерть близкаго человѣка, недавно еще бывшаго среди нихъ.

Все было готово къ службѣ.

Екатерина Васильевна въ черномъ, заплаканная и Павелъ Петровичъ какой то растерянный прошли впередъ, за ними другіе.

Священникъ медленно облачался. Дьячекъ усиленно раздувалъ кадило.

По комнатѣ расплывался запахъ ладона.

У Кати закружилась голова и она выйдя изъ залы, машинально прошла въ столовую.

Войдя сюда она остановилась передъ портретомъ брата и крупныя слезы покатились изъ ея глазъ.

Обезсиленная всѣмъ пережитымъ, она присѣла на кресло и какое-то минутное забытье охватило ее.

«Барышня телеграмма!»

Отъ неожиданности Катя вскочила съ кресла.

Передъ ней стояла горничная держа въ рукахъ телеграмму. Изъ залы уже доносились возгласы священника.

Катя хотѣла отложить телеграмму, но точно что-то подтолкнуло ее.

Машинально сорвала заклейку и стала читать, и вдругъ, какъ охваченная безуміемъ, съ крикомъ бросилась въ залъ.

«Неправда! Не надо!». Пронзительно выкрикивала она.

Произошло замѣшательство и возгласъ священника оборвался, какъ незаконченный аккордъ.

Катя подбѣжала къ матери и уже перестать кричать, а лишь вся вздрагивая, совала ей телеграмму.

Никто ничего не понималъ и во всѣхъ взглядахъ скользило недоумѣніе, или испугъ.

И опять, когда Екатерина Васильевна, прочитавъ телеграмму повалилась на полъ, а Катя истерически крикнула «Живъ Саша»! всѣ поняли въ чемъ дѣло.

Телеграфировала Наташа двоюродная сестра Саши.

Случайно Саша попалъ въ тотъ лазаретъ, гдѣ она была сестрой милосердія.

Когда Павелъ Петровичъ, окончательно растерявшійся, сталъ читать телеграмму, то слова какъ то не складывались у него и вылетали лишь отдѣльные слоги.

Наконецъ онъ разобрался.

«Если получили письмо успокойтесь. Саша живъ и контуженъ неопасно. Скоро отпустятъ домой поправляться. Онъ и я поздравляемъ всѣхъ съ праздникомъ и крѣпко цѣлуемъ. Наташа».

Какъ всегда служили молебенъ.

Потомъ встрѣчали праздникъ и хотя немного поздно, но зажгли елку и она стояла вся сіяющая и разукрашенная.

Было такъ весело, что казалось страннымъ и не вѣрилось, что эти люди только что пережили что-то тяжелое и еще нѣсколько часовъ тому назадъ горе и отчаяніе царили среди нихъ, были для нихъ удѣломъ этого торжественнаго дня.

Теперь какъ будьто ничего и не было и только Павелъ Петровичъ сталъ вдругъ заикаться.

МИХ. БОРИСОВЪ.

Даръ феи.

Миніатюра С. ВИНОГРАДОВА.

Когда я былъ мечтательнымъ сѣроглазымъ ребенкомъ, въ звѣздныя рождественскія ночи сестры украдкой спускали въ мой башмакъ какой-нибудь подарокъ и говорили мнѣ, что это даръ феи, златокудрой волшебницы, любящей послушныхъ дѣтей. И я простодушно вѣрилъ тому.

Съ тѣхъ поръ почти сорокъ рождественскихъ ночей проплыли надъ моей головой, роняя каждая изъ нихъ на нее свою изморозь, отъ которой серебрится теперь ужъ немало волосъ.

Но я тотъ же ребенокъ, что и въ дни отлетѣвшихъ годовъ: мечтатель, населявшій землю нимфами, королевами, феями. Что изъ того, что всѣ онѣ въ свѣтѣ разсудка оказываются обыкновенными часто недостойными женщинами? Мечта коронуетъ ихъ, одѣваетъ въ порфиру, надѣляетъ таинственной силой...

Въ эту рождественскую, загадочно-бѣлую ночь я грезилъ о послѣднемъ воплощеньѣ мечты, лучистоокой феѣ, съ звеняще-грустною нотою въ голосѣ; вспоминалъ бѣгъ саней подъ покровомъ морозныхъ небесъ, ласковый шепотъ, обѣщанье огромнаго счастья, въ которое не вѣрили ни она и ни я,—всю тонкую радость, данную ею, вплоть до страшнаго ноябрьскаго дня, когда мое бѣдное сердце, трепетавшее отъ ужаса и страха, держалъ другой, а она проткнула его насквозь острой иглой неизвѣстно зачѣмъ. Ахъ, она потомъ раскаялась и старалась залѣчить рану, но напрасно,—она осталась навѣкъ!..

Подъ баюканье грустно поющей мечты я заснулъ и увидѣлъ себя вновь шестилѣтнимъ ребенкомъ, ждущимъ благодѣтельной феи съ рождественскимъ даромъ.

Ждалъ я недолго: чудится въ комнатѣ шелестъ тихихъ шаговъ, видится голубое сіянье,—то фея, покинувшая воздушно-прекрасный замокъ для нищей земли для подарковъ тоскующимъ людямъ въ ночь Рождества.

Дорогая и любимая, она наклоняется надъ моимъ изголовьемъ, кладетъ что-то въ ботинокъ и шепчетъ смѣясь, уходя:

«Ты вѣришь въ любовь: носи же, пока желѣзо не обратится въ блестящее золото. Вѣдь любовь всемогуща».

Я проснулся. Странный сонъ,—что-то онъ значитъ? Беру въ руки ботинокъ,—что это? Развѣ въ нашъ трезвый, холодный вѣкъ мыслимо чудо?

Въ рукахъ у меня удивительной формы кольцо,—двѣ переплетенныя проволоки, двѣ бѣгущія змѣйки, заключившія въ объятья другъ друга блестяще-золотая и тускло-стальная.

Такъ вотъ онъ, рождественскій даръ феи, символъ всей моей жизни!

За золото мечтаній, драгоцѣнный металлъ влюбленной души, я получалъ въ обмѣнъ только ржавое желѣзо, изъ котораго куютъ цѣпи и затворы тюрьмы...

Что-жъ, буду носить его и при встрѣчѣ съ каждой новой женщиной смотрѣть, не золотѣетъ ли постепенно сѣро-тусклая сталь? Любовь—всесильный алхимикъ, претворяющій неблагородное въ драгоцѣнное низменно-грубое въ возвышенно-чистое.

И когда одѣнется въ золотую кожицу и другая змѣйка кольца, значитъ я нашелъ ту, о которой мечталъ, воплощенье Лучезарной Подруги.

И не вѣря въ чудо, жить можно лишь надеждой на чудо...

С. ВИНОГРАДОВЪ.

ОТВОРИТЕ.

Это случилось въ глухой сибирской сторонѣ въ 1877 году, т. е. въ годъ войны Россіи съ Турціей. Необъятное снѣжное пространство не только туманной беззвѣздной ночью, но и при яркомъ дневномъ свѣтѣ наводило жуть громадой и многочисленностью снѣжныхъ сугробовъ. Черной полосой виднѣлся далекій лѣсъ, почти слившійся съ небомъ.

По степи пробирались, то проваливаясь по поясъ, то выходя на поверхность, два человѣка. Оба измученные, уставшіе—они молча шагали рядомъ. Иногда одинъ помогалъ другому вытаскивать изъ проваловъ ноги и поэтому было видно, что одинъ былъ моложе или здоровѣе другого. Долго шли они такъ, а степи, казалось, и конца не было.

«Хотя-бы до жилья какого нибудь добраться... Хотя бы до какой избушки дойти»..—думалось имъ. А морозъ все крѣпчалъ, а вѣтеръ становился злѣе; и простуженныя кости ломило все больше и больше.

Эти прохожіе были—бѣжавшіе изъ своего полка запасные. Свою солдатскую форму они бросили въ какомъ-то лѣсу и переодѣлись въ валенки и полушубки, такъ что теперь ихъ не узналъ-бы даже и командиръ.

— Послушай, Савелій, мнѣ не дойти... Мнѣ дюже плохо... Знать то я умираю.—Промолвилъ, наконецъ, болѣе слабый.

— Потерпи еще: авось, Богъ поможетъ и дойдемъ скоро,—отвѣтилъ другой, поддерживая падавшаго товарища. Но они прошли еще нѣсколько часовъ, а никакихъ признаковъ селеній было не видно. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ свалился съ ногъ и даже не могъ подняться, какъ вдругъ далеко, далеко впереди мелькнулъ огонекъ.

— Иванъ милляга, никакъ придемъ сичасъ. Взгляни-ка: вотъ огонь свѣтится.—Подкрѣпись малость. Иванъ, а Иванъ?

А ты не врешь?—спросилъ слабый голосъ.

— Ну, вотъ какой ты!.. Да нѣтъ-же, самъ посмотри!..

— Инъ ладно, коли такъ. Только ужъ ты, того... Савелій... Подсоби. Пожалуй не дойти.. одному-то!..

— А ты навались на меня. Ну, вотъ такъ!.. Да наваливайся крѣпше, не бойся. Ну вотъ, а теперь съ Богомъ опять въ дорогу. Только ты не сумлѣвайся; хорошо придемъ!...—говоритъ другой, почти неся на себѣ отяжелѣвшаго и ослабшаго товарища.

И вотъ, послѣ долгихъ мытарствъ, они дѣйствительно наталкиваются на одинокую лѣсную избушку. Сквозь промерзшее стекло слабо пробивается синеватый огонекъ.

— Ты входи, а я посмотрю—нѣтъ-ли какой дороги. Мигомъ оборочусь. Попросимъ хозяевъ еще потопить, ты согрѣешься, отдохнешь—тебѣ и полегчаетъ, а мы за это ужъ поблагодаримъ ихъ. Входи укотко.

Отворивъ дверь избушки, солдатъ втолкнулъ туда товарища, а самъ пошелъ къ лѣсу, стоявшему отъ избушки всего въ двухъ-трехъ десяткахъ саженъ, не дальше. Зоркіе глаза его разсмотрѣли тамъ какую-то темную полосу, которую онъ принялъ за дорогу, и онъ пожелалъ убѣдиться въ этомъ.

Когда Иванъ вошелъ внутрь избы и оглядѣлся, онъ увидѣлъ, что на столѣ горитъ свѣча, у стола сидитъ сѣденькій старичекъ и смотритъ на него въ упоръ черными суровыми глазами, а на палатяхъ, свѣсивъ худенькія босыя ножки и корчась отъ холода, въ одной изорванной рубашонкѣ лежитъ шести-семилѣтній мальчикъ. Худощавое блѣдное личико все посинѣло, а большіе васильковые глаза полны слезъ.

— Здравствуй, добрый человѣкъ.—Поздоровался со старичкомъ прохожій.—Дозволь намъ у тебя обогрѣться и отдохнуть. Дюже замаялись мы, плутавши... силушки нѣтъ...

— Садись, садись, отдыхай. Я вижу, что ты усталъ очень.—Привѣтливо, хотя и безъ особой ласки, пригласилъ хозяинъ. Только вотъ, кажись, у насъ не особенно жарко печка не топлена: мальчонка все никакъ согрѣться не можетъ, исплакался весь. Ну, будетъ ужъ, будетъ, полно!..—обратился онъ къ голубоглазому мальчику. Слезами горю не поможешь. А ты дѣлай вотъ такъ и тепло станетъ!..

И старичекъ подулъ на руки, а потомъ похлопалъ ихъ одну о другую. Я вѣдь не плачу, а ты чего-же?..

Иванъ увидѣлъ у печки скамейку и, добравшись до нее, сѣлъ, предварительно растегнувъ тяжелый полушубокъ.

— Что онъ смѣется, что-ли надо мной?.. Вѣдь печь-то совсѣмъ холодная!..—подумалъ солдатъ, когда рука его коснулась замерзшаго кирпича. А старичекъ между тѣмъ притопывалъ, тоже ничѣмъ необутыми, ногами и прихлопывалъ руками, какъ обычно поступаютъ озябшіе люди. На немъ такъ-же, кромѣ ситцевыхъ портовъ и дырявой рубашки, сквозь которую просвѣчивалось смуглое тѣло, ничего не было.

— Что за чудо? Лѣсъ близко, сучьевъ много, а они сидятъ и зябнутъ въ нетопленной избѣ?.. И солдатъ, превозмогая боль, терзавшую его внутренности, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на странныхъ хозяевъ. Онъ оглянулся, надѣясь среди хозяйскаго добра найти что нибудь теплое для ребенка, но въ этой избѣ не только простого зипуна или какой нибудь шубейки, а даже тряпки и лоскутка на виду не имѣлось.

А старичекъ все поглядывалъ на него, да руками похлопывалъ, а самъ все съ мѣста не шевелился. А голубоглазый мальчикъ на палатяхъ все такъ же дрожалъ отъ холода.

— Ну, что, все еще ты зябнешь, голубенокъ?..—спросилъ онъ его.

— Ой, холодно, холодно, дѣдушка и ножки мои совсѣмъ застыли!.. Печально отвѣтилъ ему ребенокъ.

— Теплыя у тебя валенки, добрый человѣкъ—наконецъ, видимо наскучивъ молчаніемъ солдата, выкликнулъ старичекъ, продолжая дуть на руки, что-бы хоть немного согрѣть ихъ своимъ тепломъ. А вѣдь ребеночку-то холодно!... Вотъ если-бы ты далъ ему эти валенки, ему-бы навѣрное теплѣе стало!..

Посмотрѣлъ солдатъ на печку и жаль ему стало дрогнувшаго мальчика. Снялъ онъ свои сибирскіе коты и одѣлъ ихъ на маленькія застывшія ножки. Ребенокъ улыбнулся ему и Ивану вдругъ точно полегчало.

Немного погодя старичекъ опять говоритъ:

— У тебя навѣрное и шапка хорошая?.. Мальчику въ ней еще лучше будетъ. Больно ужъ онъ, сердечный иззябся!..

Иванъ отдалъ ребенку и шапку-треухъ, которую купилъ ему Савелій, когда они еще въ Иркутскѣ были и не пожалѣлъ, что отдалъ ее мальчику. Такого сіянія ни на одномъ еще дѣтскомъ личикѣ онъ никогда раньше не видывалъ.

— А тулупъ-то какой богатый!.. Ужъ навѣрное онъ дорого стоитъ? Спросилъ старичекъ, а самъ такъ глазами черными Ивана и прожигаетъ. Не пожелѣлъ шапки и валенокъ, не пожалѣй и этого своего добра—отдай его мальчонкѣ. Ты вонъ какой большой и сильный, а онъ маленькій, слабый. Тебѣ и безъ тулупа прекрасно будетъ!

Солдатъ и тулупъ съ себя скинулъ, укуталъ ребенка, а самъ, едва держась на ногахъ отъ усталости или болѣзни, навалился на лавку.

— Да ты-бы, служивый, тоже на печку забрался, а?.. Ну-ка, паренекъ, подвинься, дай этому человѣку мѣстечко,—сказалъ онъ мальчику и въ то же время самъ помогъ солдату вскорабкаться на палати.

— Ну, вотъ и ладно! А я пока смотрѣлъ на тебя, служивый и разогрѣлся, точно въ банькѣ выпарился—хорошо такъ стало!..

Солдатъ прислушался.

Почему этотъ старикъ, не зная его, служивымъ называетъ?

— Ой, Боже, мой Боже!..—со страхомъ подумалось ему. Ужъ не къ колдуну-ли мы затесались? И гдѣ это Савелій пропалъ? Святки нынче, всякая нечисть теперь на свѣтъ выползаетъ, а онъ замѣшкался гдѣ-то, бросилъ меня одного здѣсь съ какимъ-то лѣшимъ!..

— Не бойся, добрый человѣкъ, не лѣшій я. И не печалься: сейчасъ придетъ твой Савелій, а замѣшкался онъ потому, что несетъ тяжелую ношу. Читая его мысли, отвѣтилъ странный старикъ. Да вотъ еще нечистую силу ты напрасно поминаешь: не при чемъ она тутъ. Святые вечера сейчасъ, только люди нехорошо ихъ проводятъ, не имѣютъ почитать эти дни, а если случится, по ихъже винѣ, что-нибудь нехорошее—то все на нечистую сваливаютъ.

— А разскажи, дѣдушка, почему ты меня называешь служивымъ?—спросилъ его солдатъ. И откуда ты знаешь, что моего товарища зовутъ Савеліемъ?

Разсмѣялся старичекъ.

— Я и другое знаю. Знаю, что вы оба—бѣглые солдаты и теперь направляетесь къ Каинску, гдѣ думаете устроиться. Но берегитесь: начальство уже напало на ваши слѣды. Вы убѣжали, спаслись, а тамъ, на кровавыхъ поляхъ въ битвѣ съ врагами рода христіанскаго умираютъ десятками и сотнями тысячъ ваши братья, такіе-же солдаты, какъ и вы. Но они честно присягали и берегутъ свою клятву.

— Дѣдушка, а вѣдь я тебя знаю. Но гдѣ я тебя видѣлъ—не могу припомнить. Дѣдушка, вѣрное ты слово сказалъ: большую мы сдѣлали пакость—бросили своихъ, хотѣли убѣжать отъ смерти, а она гонится по пятамъ. Ты посмотри на меня: вѣдь я умираю.

— Умираешь, но не умрешь, а только пойдешь по другой дорогѣ. Вотъ ты все на темную сворачивалъ, а я тебѣ свѣтлую показалъ. Ступай-же по ней, да не сбивайся, иначе плохо будетъ.

На палатяхъ, весь въ жару, съ сухими губами, съ прерывистымъ хриплымъ дыханіемъ метался больной солдатъ, а въ другомъ уголкѣ, подложивъ подъ разогрѣвшуюся щеку кулачекъ и спокойно чему-то улыбаясь во снѣ,—спалъ бѣлокурый, голубоглазый мальчикъ. Шапка, валенки и полушубокъ осушили его слезы и дали то, чего такъ долго лишенъ былъ этотъ бѣдный ребенокъ: крѣпкій, благодѣтельный отдыхъ.

Бодрствовалъ только старикъ. Теперь глаза его не были строгими, наоборотъ, они теплились какимъ-то мягкимъ, внутреннимъ свѣтомъ. Онъ то и дѣло подходилъ къ больному, и кроткая радость не сходила съ его лица. Такъ прошло нѣсколько времени.

— Отворите... Отворите!.. — раздался вдругъ съ улицы чей-то голосъ и кто-то постучалъ въ дверь. Но отвѣта не было.

— Отворите, добрые люди, это я, Савелій!..—снова промолвилъ голосъ за окномъ, но никто не отозвался ему. Тогда солдатъ напрягъ силы, налегъ на дверь и она отворилась.

Онъ вошелъ и увидѣлъ...

На столѣ догоралъ сальный огарокъ. На палатяхъ лежалъ Иванъ. Шуба, шапка и коты его лежали тутъ-же въ сторонкѣ, а самъ онъ хотя и разметался и горѣлъ, но былъ въ полномъ сознаніи.

— Ну, вотъ я и пришелъ!..—сказалъ Савелій, крестясь въ передній уголъ.

— Давай, братъ, раздѣвайся, да истопи имъ печку-то, а то вѣдь они зазябли!..—радостно воскликнулъ больной при видѣ товарища.

— Кто зазябъ? Про кого ты это?..—удивился Савелій, видя ясно, что въ избѣ, кромѣ Ивана никого нѣтъ. Недужится тебѣ, милляга, можетъ испить хочешь?..—добавилъ онъ съ жалостью, замѣтивъ, что Ивану, дѣйствительно плохо.

— Печь истопи!..—еще разъ сердито и настойчиво промолвилъ больной, ребенокъ то совсѣмъ застылъ, да и у старичка косточки то, я чай, мозжатъ. Что-ты ослѣпъ, што-ли?.

— Какой ребенокъ? Какой старичекъ? Вѣдь въ избѣ только мы и есть!..

Приподнялся Иванъ съ мѣста, смотритъ и впрямь—никого нѣтъ.

— Дѣдушка, а дѣдушка?... Старенькій старичекъ, куда это ты дѣвался? Вѣдь ты сейчасъ еще здѣсь былъ! — воскликнулъ Иванъ и вдругъ весь замеръ.

Изъ передняго угла, тамъ гдѣ помѣщаются иконы, на него смотрѣли знакомые суровые глаза угодника Николая, а съ иконы Богоматери—прекрасные глаза Младенца—Іисуса.

— Савелій!.. Савелій, послушай, вотъ Кто приходилъ сюда!..—говорилъ солдатъ, указывая въ передній уголъ.—Никола Угодникъ и Спасъ Милостивый!..

Савелій недовѣрчиво покачалъ головой, думая, что это просто бредъ больного воображенія.

— Не вѣришь?.. Ну такъ послушай. И Иванъ все отъ слова до слова открылъ своему товарищу.

— Такъ и сказалъ, что бѣглые, молъ, солдаты изъ такого-то полка и что начальство уже разыскиваетъ и напало на слѣдъ?—переспросилъ онъ больного и почувствовалъ, что сердце его остановилось.

— Такъ и сказалъ.

— А можетъ это тебѣ привидѣлось только, Ваня? Вѣдь бываетъ такъ-то, особливо ежели человѣкъ не въ себѣ.

— Ну вотъ, привидѣлось!.. Я это што такое, взглянько-съ?..

Возлѣ лавки, гдѣ сидѣлъ старичекъ, стоялъ костыликъ, изъ тѣхъ, какіе часто употребляютъ странники, а на столѣ лежала какая-то бумага.

Савелій, учившійся когда-то грамотѣ у деревенскаго дьячка, припомнилъ старое и прочиталъ по складамъ:

«Я, запасный N-скаго пѣхотнаго полка, третьей роты, Савелій Федоровъ Вохрушинъ, чистосердечно сознаюсь въ томъ, что ушелъ безъ позволенія своего начальства. Теперь я возвращаюсь на мѣсто моей службы добровольно и хочу исполнить свой долгъ до конца. Стыдно честному солдату покидать товарищей и бѣжать съ поля брани. Отъ смерти не уйдетъ никто, но лучше славная отъ вражеской пули, чѣмъ позорная смерть отъ петли».

Прочитавъ эти строки, Савелій понялъ, что рѣчь идетъ именно о немъ, Савеліѣ Вахрушинѣ изъ деревни Рудянки и что ему надо идти обратно и во всемъ повиниться начальству. Такъ и сказано въ этой чудесной, ни вѣсть откуда взявшейся бумагѣ.

«Что-же это?... Здѣсь только про одного говорится, а Иванъ-то какъ-же? Вмѣстѣ вѣдь мы съ нимъ убѣгали, вмѣстѣ и отвѣтъ слѣдоваетъ держать!»—подумалъ онъ.

— Послушай-ка, Иванъ, а вѣдь здѣсь не сказано: проститъ ли насъ господинъ пол-

ковникъ?—громко воскликнулъ, смущенный этой случайностью, солдатъ, обращаясь къ своему товарищу.

— Иванъ, а Иванъ?..

— Все исполни. А я ухожу другой дорогой... свѣтлой хорошей. Прощай!.. — тихо, какъ стонъ, донеслось къ нему съ палатей. И онъ не узналъ голоса Ивана. Когда онъ подбѣжалъ къ нему, все уже было кончено. Дѣйствительно больной солдатъ пошелъ по другой, новой дорогѣ, такъ какъ былъ мертвъ. Тихая, ясная улыбка застыла на измученномъ лицѣ. Плотно зажатыя вѣки, говорили безъ словъ о его стремленіи поскорѣе покинуть землю для того, чтобы увидѣли тамъ, впереди его просвѣтленные глаза.

Такой-же неподвижный стоялъ возлѣ трупа товарища и Савелій. Наконецъ чувство глубокаго отчаянія привело его въ себя.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты и меня не взялъ съ собою?..—сказалъ солдатъ, съ тоскою, глядя въ передній уголъ. Одинъ остался. Было двое, а теперь одинъ!..

«Исполни все»...—вдругъ припомнились ему послѣднія слова умирающаго друга, и взглядъ его упалъ на посохъ и на бѣлую бумагу на столѣ. Свѣча уже догорала и гасла, вотъ-вотъ потухнетъ совсѣмъ и станетъ здѣсь темно, какъ въ могилѣ...

Савелій одѣлся, подпоясался, сунулъ бумагу за пазуху и взялъ костылекъ. Надо идти. Иванъ лежалъ повернувшись къ нему лицомъ и живому показалось, что мертвый хочетъ отъ чего чего-то.

— Ладно. Оставайся здѣсь, а я опять возвращаюсь въ полкъ и останусь въ немъ до конца. Убьютъ, такъ убьютъ, а если нѣтъ такъ жить буду. Прощай и помолись за меня милый товарищъ. Прощай, Ваня!

И прикоснувшись къ еще теплой рукѣ умершаго Савелій отворилъ дверь. Свѣчка на столѣ вспыхнула ярко въ послѣдній разъ и погасла. Солдатъ вышелъ. Зоркіе глаза не обманули его. Та темная полоса, которую онъ увидѣлъ давеча, дѣйствительно оказалась дорогой, и онъ твердо направился по ней туда, куда его призывалъ честный, солдатскій долгъ.

П. В.

СВОБОДА.

Разсказъ Н. ВИКТОРОВСКАГО.

Звякъ... Звякъ... Звякъ... звенятъ кандалы въ корридорѣ тюрьмы. Тяжелый противный лязгъ холоднаго желѣза. Но Лидочка уже привыкла къ этому звяканью кандаловъ. Все вниманіе ея ушло въ другую сторону. Съежится на нарахъ, или встанетъ у окна, неподвижно, какъ изваяніе, и безпрерывно куетъ мысль о свободѣ. Такъ тѣсно въ тюрьмѣ. Такъ тяжело тутъ безъ людей, безъ любви, въ четырехъ стѣнахъ... Столько силъ молодыхъ, свѣжихъ, прекрасныхъ... и все смято, все сковано, все потонуло въ лязгѣ ржавыхъ цѣпей...

— Господи!..

Смотря въ окно, Лидочка не видитъ улицы. Видитъ только дворъ. А какъ бы было пріятно увидѣть улицу, увидѣть людей, дѣтей. Увидѣть,—какъ всѣ суетливо бѣгутъ откуда-то, куда-то, зачѣмъ-то, бѣгутъ свободные и счастливые.

Передъ Лидочкой весь день торчитъ громадное, грузное, трехэтажное зданіе, въ которомъ размѣщены тюремные служителя. Порою Лидочкѣ такъ тяжело, что она падаетъ на полъ грызетъ свои пальцы. Тоска напираетъ и разрываетъ ея молодую, хрупкую грудь. И хочется тогда разорвать эту грудь. Вырвать оттуда усталое сердце, выбросить свою тоску.

Пусть зальетъ она потопомъ весь міръ... отъ моря и до моря.

Какъ попала сюда Лидочка?.. За что?.. Она и сама отвѣтить опредѣленно не можетъ. То, что сказали люди, когда ее посадили сюда—не причина. Люди знаютъ настоящую причину, но не называютъ ея, а называютъ другую причину—ужасную, сочиненную, лживую. Былъ у Лидочки единственный братъ Володя. Онъ воспиталъ Лидочку оставшуюся послѣ родителей маленькой.

Года три тому назадъ Володя женился, но въ семейной жизни счастья не нашелъ. Легкомысленная жена его измѣняла на каждомъ шагу. Володя страдалъ, ссорился съ женой, покушался даже на самоубійство. Наконецъ жена Володи сбѣжала съ какимъ то офицеромъ. Володя погнался за женой, нагнавъ ее, убилъ на повалъ любовника, и ее тяжело ранилъ. Володю арестовали, посадили въ тюрьму, а потомъ судили и сослали на каторгу.

Лидочка была въ судѣ. Лидочка вѣрила въ оправданіе брата. Не можетъ быть, что бы его обвинили. За что!... Развѣ онъ хотѣлъ убивать?.. Развѣ онъ въ страданіи не потерялъ разсудка?... Но когда присяжные вышли и сказали: «виновенъ», а судьи прочли: «восемь лѣтъ каторги»,—Лидочка вскипѣла въ отчаяніи, ломая, пальцы, на всю залу кричала:

— Вы не судьи, а палачи!...

За это ее привлекли къ отвѣтственности, допрашивали, судили и посадили на восемь мѣсяцевъ въ тюрьму. Когда ее вели въ тюрьму, такъ страшно было. Казалось, что ее ведутъ на эшафотъ, казалось, что еще двѣ-три минуты и снимутъ съ нея голову, или замуруютъ въ могильный склепъ гдѣ, она вѣчно живая будетъ томиться и страдать во мракѣ и сырости.

Дрожа и рыдая, она пошла въ казематъ. Тутъ ее заперли на ключъ.

Темно, душно, сыро... Было тяжело, тяжело сознаніе, что нѣтъ радости, нѣтъ свѣта... Сначала плакала, а потомъ и плакать не могла. Слезы застыли въ груди. Со временемъ Лидочка обвыклась со всей обстановкой тюрьмы. Но за то въ душу ея врѣзалась сотнями заноза тоска по свободѣ. Свобода стала для нея выше всего. Выше и дороже самой жизни.

— Господи, Боже мой... Какая сладость дрожитъ и переливается въ этомъ словѣ—свобода... Лидочка подходила къ окну и смотрѣла на толкающихся по тюремному двору надзирателей, которыхъ она раньше ненавидѣла всей своей молодой душой. Они свободны... Они ходятъ по двору, потому что они такъ хотятъ. Они могутъ и не ходить, разъ захотятъ этого. А она?.. Она должна сидѣть въ казематѣ, запертой на замокъ.

Ахъ, если бы возможно было, хотя на одну минуточку обмѣняться съ ними словами, пойти... На одну минуту быть свободной...

...Было подъ Рождество. Которое число?... Двадцать второе или двадцать третье... Да, кажется двадцать третье... Да, да... двадцать третье... Завтра сочельникъ... Завтра во всѣхъ домахъ зажгутъ елку. И дѣти и взрослые будутъ кружиться вокругъ елочки и распѣвать дѣтскія пѣсенки. Сколько сердецъ забьется въ радости. Сколько сердецъ скуютъ первыя муки, первыя цѣпи любви...

Лидочка стоитъ у окна, наблюдаетъ, какъ падаетъ снѣгъ, какъ прилипаютъ къ стеклу снѣжныя пушинки. И тогда въ раннемъ дѣтствѣ всегда падалъ на Рождество снѣгъ. А мать говорила:

— Вотъ дѣдушка-морозъ ужатаетъ себѣ дороженьку и станетъ разъѣзжать изъ села въ село и развозить дѣтямъ елочки и подарки. Лидочка съ восторгомъ прыгала и съ нетерпѣніемъ ждала, когда и къ нимъ пріѣдетъ дѣдушка-морозъ. Наканунѣ сочельника мать ухитрялась невидимо и неслышно нарядить елочку. Только на нѣсколько часовъ уведутъ Лидочку, погулять, а потомъ, когда она вернется домой, ее ведутъ въ гостиную и зажигаютъ елочку. Елочка разукрашена бонбоньерками, хлопушками, гномами, снѣгурочками; усыпана блестками; увѣшена конфетами, орѣхами и свѣчами. Мать беретъ ее за руку, и онѣ кружатся вокругъ елочки и поютъ: «Ахъ попалась, птичка стой»... Лидочка, кружась, невольно видитъ въ окнѣ такую же елочку. Въ одномъ, другомъ, третьемъ... Что это такое...—спрашиваетъ Лидочка у матери. Мамочка, посмотри, посмотри, тамъ тоже елочка?... Одна, двѣ, три...

А мать отвѣчала:—Это Боженька зажегъ свои елочки для бѣдныхъ дѣтокъ... Радости Лидочки нѣтъ конца. У нея такая же елочка, какую Боженька устроилъ для бѣдныхъ дѣтей. То было когда то, давно-давно, въ пору дѣтства... А теперь... Теперь она въ тюрьмѣ.. Арестантка. Господи...

Вдругъ въ замкѣ скрипнулъ ржавый ключъ. Лидочка вскочила насторожилась. Кто это... Надзиратель... Зачѣмъ?... Что ему надо въ эту минуту?.. Но вошелъ не надзиратель, а самъ начальникъ тюрьмы отвратительный мужчина съ пошлой улыбкой на губахъ и, покручивая свои усики онъ сказалъ:

— Хотите быть свободной, дня на три?.. Лидочка бросилась къ нему, жметъ его руку, улыбается, не знаетъ, что говорить.

— Свободной?.. Господи... Я?... Я хочу ли быть свободной?.. Да это не можетъ быть?.. Начальникъ тюрьмы обнялъ ее и, задыхаясь отъ счастья, которое онъ нашелъ въ близости молодой красивой дѣвушки, тихо шепнулъ:

— Вы будете моей женой?... Три дня?... Лидочка отшатнулась.

— Негодяй! — крикнула она. Негодяй.. Негодяй... Начальникъ бросился въ корридоръ и, когда двери были уже заперты, Лидочка все еще кричала топая ножками...

— Негодяй!.. Негодяй!.. Негодяй!..

... Двадцать четвертое... Утромъ пришелъ надзиратель—растрепанный подобострастный, на все готовый, чтобы «угодить начальству».

— Ты тае...—началъ онъ, грозно глядя на Лидочку.—Не ершись... Арестантка, а зазналась какъ... Не хочетъ.. Честна-молъ... А кому нужна твоя честность... Тьфу!.. И, сплюнувъ на полъ, онъ ушелъ, Лидочка еле успѣла послать ему вслѣдъ:

Жалкій рабъ... Дуракъ!..

Подъ вечеръ снова пришелъ начальникъ. Онъ всталъ у дверей и тихо, но властно спросилъ:

— Не хотите, — протяжно повторилъ надочка не отвѣтила. Она стояла у окна и, не поворачивая головки, барабанила пальчиками по желѣзной рѣшеткѣ. Въ душѣ ея какъ то сразу заколотила лихорадка.

— Не хотите, — протяжно повторилъ начальникъ. Гм... Удивительно! Повернулся сердито захлопнулъ дверь, сердито заперъ ее на ключъ и ушелъ.

Вечеромъ Лидочка видѣла въ окнѣ второго этажа какъ зажгли огни, какъ зажгли свѣчечки на елочкѣ. Дѣти кружатся вокругъ елочки. Вотъ дѣвочка въ розовомъ платьѣ, бѣлокурая, такая хорошенькая. Вотъ мальчикъ въ курточкѣ, коротко остриженный. Вотъ барышня вся въ голубомъ. Кружатся, поютъ. Лидочка, кажется, слышитъ ихъ голоса. Вотъ пришли взрослые. Среди нихъ начальникъ тюрьмы.

— Боже мой,—воскликнула Лидочка, увидѣвъ взрослыхъ возлѣ елочки.

— Боже мой... И дальше Лидочка начинаетъ грезить. Въ лихорадочномъ бреду она видитъ себя тамъ, среди дѣтей. Она свободна. Она больше не арестантка... Но за то...

— Нѣтъ... Нѣтъ... Не надо...—вскрикиваетъ Лидочка и до-боли хрустятъ пальчиками. Бросается на нары и въ отчаяніи рыдаетъ. Когда слезы были выплаканы, Лидочка, съежившись, отдалась своимъ мечтамъ. Не видя, она кажется видитъ передъ собою елочку, видитъ дѣтей, чувствуетъ ладанный запахъ свѣчей, смолистый ароматъ елки. Какъ запахъ духовъ, какъ раздражающій ароматъ майскихъ луговъ.

— Почему дѣти тамъ возлѣ елочки веселятся?... Почему веселится барышня въ голубомъ... Она честная, красивая... Невинная. Но вѣдь и Лидочка честная, красивая, невинная... А она, тѣмъ не менѣе, тутъ—въ тюрьмѣ лишенная самаго дорогого.. Свободы. Если право, въ невинности и честности, то почему, онъ пошлый и глупый, обворовывающій арестантовъ, тамъ вмѣстѣ съ дѣтьми, возлѣ елки... Нѣтъ.... Это не то... это не то... Лидочка встала, снова подошла къ окну, снова глядитъ на елочку Глядитъ и вся уходитъ въ прошлое, уходитъ въ радость дѣтства... Но вотъ потушили свѣчи на елочкѣ. И сразу весь міръ погрузился во мракъ. Мрачныя тѣни вползли въ ея казематъ, окружили ее, стали угнетать. Больно и тяжело. Свалилась на нары, рыдаетъ и своими роскошными волосами вытираетъ горячія слезы.

— Невинность... Честность... Но что онѣ передъ лицомъ свободы... Боже мой... И свобода начинаетъ заслонять передъ нею все. И честь и невинность. Выше свободы нѣтъ ничего на землѣ. Все во имя свободы...

По стѣнѣ ползетъ каплями сырость. По подушкѣ ползетъ насѣкомое.

— Бррр.—вскочила Лидочка и бѣгая изъ въ уголъ, ломаетъ пальцы, и бьется въ мукахъ неизсякаемой жажды свободы. Ей кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ у нея вырастутъ крылья, и она улетитъ въ маленькое отверстіе промежъ желѣзной рѣшетки, улетитъ туда, гдѣ никто не вправѣ будетъ лишить ее свободы, гдѣ она будетъ летать свободно подобно орлу въ горахъ.

Но радость, увѣренность и предчувствіе вскорѣ покидаютъ ее, и передъ нею тѣ-же цѣпи, тотъ же казематъ съ желѣзной рѣшеткой.

Отъ усталости уснула и спала тревожнымъ сномъ, какъ спятъ наказанныя дѣти. Во снѣ видѣла мать и елочку, всю украшенную и усыпанную блестками. Елочка сверкаетъ въ огнѣ. Дѣти кружатся. Кружится мальчикъ въ курточкѣ, кружится дѣвочка въ розовомъ платьѣ, кружится барышня въ голубомъ... Такъ хорошо...

Вдругъ ржавый скрипъ ключа. Лидочка вскочила, протираетъ глаза.

— Ну, что раздумали — услыхала Лидочка знакомый голосъ начальника. Быстро вскочила глядитъ на него въ упоръ.

— Только три дня,—продолжаетъ начальникъ.—Только три дня...

Лидочка теряетъ равновѣсіе духа. Мозгъ захлестываетъ жажда свободы.

Она медленно, шатаясь, идетъ навстрѣчу начальнику. Она вся во власти страсти. Свобода ея—стихія... ея смертельная страсть... Идетъ.

Силы постепенно таютъ, ноги подкашиваются.

Подошла вплотную къ начальнику и, потерявъ сознаніе, упала безъ чувствъ...

Н. ВИКТОРОВСКІЙ.

Вынужденная война державъ согласія.

Отвѣтная нота державъ согласія на германское предложеніе о мирныхъ переговорахъ должна произвести большое впечатлѣніе на нейтральныя державы. Война съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе отражается на жизни и интересахъ всѣхъ не участвующихъ въ ней государствъ, которые не меньше думаютъ о мирѣ, чѣмъ сами воюющія. Желаніе положить скорѣе конецъ великой битвѣ народовъ побудило уже С. А. Штаты, Швейцарію и Скандинавскія государства сдѣлать попытку къ устройству предварительной конференціи о возможныхъ въ ближайшемъ будущемъ переговорахъ о мирѣ. Отрицательный отвѣтъ державъ согласія на германскую декларацію о мирѣ обрекаетъ эту попытку нейтральныхъ державъ на неудачу. Изъ отвѣта серьезно и всесторонне продуманнаго, нейтральныя страны должны усмотрѣть, что начатая нѣмецкими имперіями война не можетъ быть ликвидирована до тѣхъ поръ, пока онѣ не дадутъ гарантій прочнаго мира въ будущемъ, пока не будетъ получена увѣренность въ созданіи положенія, устраняющаго причины вооруженныхъ международныхъ столкновеній. Относясь совершенно объективно къ отказу союзниковъ пойти навстрѣчу германскому мирному предложенію, нельзя не признать его совершенно правильнымъ по существу.

Довѣрять герман. въ томъ, что они искренне желаютъ не только прекратить настоящую войну, но и не воевать въ будущемъ было бы непростительнымъ легкомысліемъ. Союзники въ правѣ называть и считать ихъ мирныя предложенія мнимыми, неискренними. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій Германія готовилась къ войнѣ, чтобы посредствомъ оружія расширить свои владѣнія въ Европѣ и на Ближнемъ Востокѣ, захватить въ свои руки главные рынки и подчинить себѣ политически и экономически даже самыя крупныя государства. Планъ войны былъ задуманъ такъ, что германцы надѣялись достигнуть намѣченной цѣли въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Бельгія первая помѣшала осуществить этотъ адски задуманный планъ, а выступленіе Англіи окончательно разбило и сдѣлало его неосуществимымъ. Если бы германцы, изнуренные затянувшейся войной болѣе сильно чѣмъ народы согласія, заявили, что признаютъ невозможнымъ установить свое верховенство надъ ними, но въ то же время не считаютъ себя побѣжденными, почему и протягиваютъ руку для мирнаго соглашенія. Сдѣланное ими предложеніе проникнуто инымъ настроеніемъ и направлено далеко не въ сторону дѣйствительнаго мира.

Они гордо самоувѣренно говорятъ о себѣ, какъ о побѣдителяхъ и не дѣлая пока никакихъ опредѣленныхъ предложеній о мирѣ, даютъ ясно понять, что хотятъ говорить, какъ побѣдители, то есть диктовать условія, а затѣмъ въ видѣ милости, снисхожденія и человѣколюбія сдѣлаютъ извѣстныя уступки. Положеніе державъ согласія на поляхъ брани не таково, чтобы они были вынуждены подчиниться волѣ германцевъ. Въ отвѣтѣ своемъ они указываютъ на это и выражаютъ полную увѣренность, что побѣда должна остаться за ними, а не за противникомъ.

Война будетъ продолжаться съ большей, чѣмъ въ данный моментъ настойчивостью, потребуетъ крайняго напряженія всѣхъ силъ сражающихся народовъ, такъ-какъ иначе желанный всѣми прочный, не временный, а вѣчный миръ не наступитъ. Слишкомъ тяжела мысль, что придется еще и еще проливать кровь и переносить страшныя страданія сотнями милліоновъ людей, но Германія, предлагающая будто-бы дѣйствительный миръ, заставляетъ совершать кровопролитія...

И въ сегодняшній великій праздникъ Рождества Христова, когда такъ страстно хотѣлось-бы повторить ангельское пѣснопѣніе—«на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе», снова слышатся страшные, отдаленные раскаты смертоносныхъ орудій...

К. А.

Война.

(По сообщеніямъ столичныхъ газетъ).

ОБСУЖДЕНІЕ ЦЕНТРАЛЬНЫМЪ СОЮЗОМЪ УСЛОВІЙ МИРА.

Вѣнскій корреспонденъ шведской газеты «Афтонбль» телеграфируетъ: «Какъ мнѣ удалось освѣдомиться изъ безусловно солидныхъ дипломатическихъ источниковъ, сейчасъ же, послѣ Новаго года, въ Вѣнѣ состоится съѣздъ представителей всѣхъ державъ центральнаго союза, между прочимъ, Бетманъ-Гольвега, Радославова, Энверъ-паши и другихъ для выработки предварительныхъ условій, на какихъ центральныя государства могли бы приступить къ прелиминарнымъ переговорамъ о мирѣ. По выработкѣ этихъ условій, срединными имперіями будетъ продѣлана вторичная попытка съ предложеніемъ мира, но уже съ конкретными данными. Однако, какъ полагаютъ въ австро-венгерскихъ дипломатическихъ кругахъ, предстоящая вѣнская конференція грозитъ затянуться и не достигнуть конечныхъ результатовъ изъ-за различія желаній воюющихъ центральныхъ державъ. Уже и теперь между государствами срединнаго союза намѣчается два различныхъ теченія. Германія и Болгарія задаются фантастическими аннексіонными планами, въ то время какъ Австро-Венгрія и Турція готовы довольствоваться весьма малымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ различныя точки зрѣнія на дальнѣйшее продолженіе войны на предстоящей конференціи совмѣстить врядъ-ли удастся. Австрійцы и турки, на территоріяхъ которыхъ противникъ утвердился довольно прочно, еще при первой нотѣ Бетманъ-Гольвега съ предложеніемъ мира настаивали на желательности указаній и мирныхъ условій, но Берлиномъ и Софіей упоминаніе условій этихъ было отклонено. Теперь Двуединая монархія и держава султана, раздраженныя на Германію и Болгарію, что изъ-за заносчивости послѣднихъ державы согласія не пожелали и разговаривать о мирѣ, свое требованіе о необходимости умѣренныхъ условій мира проявятъ еще ярче».

НЕОБХОДИМОСТЬ МИРА ДЛЯ АВСТРІИ.

Въ городахъ Австро-Венгріи почти ежедневно происходятъ демонстраціи. Путешественники, вернувшіеся изъ Вѣны заявляютъ, что нищета въ рабочихъ классахъ достигла невѣроятнаго уровня. Съ начала ноября происходятъ сотни самоубійствъ. По общему мнѣнію въ Женевѣ, внутреннее положеніе въ Австріи настолько ужасно, что двойственная монархія во избѣжаніе банкротства и полнаго разоренія, будетъ готова принять унизительный миръ почти безъ всякаго предварительнаго обсужденія. Не составляетъ секрета, что за мирнымъ движеніемъ въ Австріи стоитъ графъ Берхтольдъ, быв. мин. ин. дѣлъ и любимецъ новаго императора. Его вліянію надо приписать удаленіе барона Буріана и другихъ креатуръ Тиссы. Въ настоящее время Берхтольдъ требуетъ удаленія самого Тиссы, въ чемъ его поддерживаетъ венгерская оппозиція. Отставка Тиссы весьма вѣроятна, такъ какъ императоръ Карлъ рѣшилъ положить конецъ унизительному опекунству Германіи.

УГРОЗЫ БАВАРСКАГО КОРОЛЯ.

Въ новогоднемъ приказѣ войскамъ баварскій король заявляетъ:

«Если врагъ окончательно отклонитъ предложеніе добровольно начать мирные переговоры, то мы принудимъ его къ тому силою».

ПОЛЬСКІЙ ЗОЛОТОЙ ФОНДЪ.

Въ Германіи возникъ проектъ образованія золотого фонда польскаго королевства. Назначенъ день сбора пожертвованій золотой монеты. Во главѣ организаціи сталъ комитетъ изъ видныхъ политическихъ дѣятелей Галиціи.

СПАСЕНІЯ НѢМЦЕВЪ ПЕРЕДЪ ГОЛЛАНДІЕЙ.

Германскій главный штабъ приказалъ строить траншеи на бельгійско-голландской границѣ на случай высадки англичанъ въ Голландіи и нападенія съ этой стороны.

Къ убійству Григорія Распутина.

Г. Е. Распутинъ—уроженецъ и житель с. Покровскаго, Тюменскаго уѣзда, Тобольской губерніи. Отъ роду ему 44 года. Родители Григорія Распутина занимались рыбачествомъ. Почти весь родъ Распутиныхъ—закоренѣлые пьяницы. Григорій Распутинъ неоднократно судился за кражи. Впослѣдствіи онъ сдѣлался ямщикомъ. Въ архивахъ тобольскаго окружнаго суда имѣются два дѣла о Григоріи Распутинѣ: одно—о кражѣ лошадей, а другое—о лжесвидѣтельствѣ. Оба эти дѣла въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ запрещены для обозрѣнія. Первое дѣло до сихъ поръ не закончено слѣдствіемъ, за которое Григорій Распутинъ былъ приговоренъ волостнымъ судомъ къ наказанію розгами. Вотъ что разсказываетъ родной отецъ Григорія Распутина объ его прошломъ:

— Попивалъ въ молодости мой Григорій и озорничалъ—ужъ одно горе съ нимъ было. Неугомонный, да буянъ былъ... Какъ выпьетъ, такъ и этотъ ему не милъ, и другой не хорошъ, да и работу забывалъ. А какъ начнешь его уговаривать, онъ ругается и такое сдѣлаетъ, что сказать стыдно. Всякое бывало... Пилъ, пилъ, а потомъ вдругъ и ну замаливать свой грѣхъ... Въ Верхотурье уйдетъ. А какъ воротится—и не узнать моего Григорія: такой смиренный и все молится, да прощенья у всѣхъ проситъ...

Огромную роль въ карьерѣ Григорія Распутина сыгралъ епископъ Ѳеофанъ, назначенный впослѣдствіи ректоромъ петроградской духовной академіи. Григорій Распутинъ однажды возилъ епископа Ѳеофана въ Верхотурье. Сѣдокъ разговорился съ ямщикомъ, и эта бесѣда оказала на Распутина огромное вліяніе. Послѣ этого Распутинъ начинаетъ уходить въ Верхотурье и пропадаетъ тамъ мѣсяцами. Вскорѣ Распутинъ выступаетъ въ новой роли—сборщика пожертвованій на постройку храма. Съ этихъ поръ родъ Распутиныхъ начинаетъ богатѣть. За время хожденія Распутина съ кружкой въ рукахъ, у него вмѣсто курной избы, которая была послѣдней въ захудаломъ селѣ Покровскомъ, оказался просторный двухъэтажный деревянный домъ. Въ то же время Григорій изъ захудалаго «слюнявато» мужика, котораго не разъ били смертнымъ боемъ односельчане, становится своего рода «персоной» въ своемъ селѣ. Мужики его ненавидятъ и за прошлое, и за настоящее, но онъ старается расположить ихъ въ свою пользу и внушаетъ такую линію поведенія своимъ домашнимъ.

Играетъ, напримѣръ, кто свадьбу.—Распутины жертвуютъ четвертную. Наживъ трудами праведными деньги, Распутинъ купилъ въ Покровскомъ богатое рыбой озеро, но рыбу своимъ односельчанамъ не продаетъ, а «даритъ».

Григорій Распутинъ создалъ вокругъ себя въ своемъ домѣ соотвѣтствующую атмосферу: жена, отецъ, дѣти считаютъ его человѣкомъ необыкновеннымъ, и всячески стараются внушить эту мысль сосѣдямъ. По мѣрѣ того, какъ матеріальное положеніе Распутина становится все болѣе устойчивымъ, благодаря сбору на «построеніе храма» среди благочестивыхъ и довѣрчивыхъ людей, растутъ сила и вліяніе Распутина, сначала на небольшой кружокъ односельчанъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ сундучникъ Стряпчевъ, а затѣмъ сфера дѣятельности Распутина переносится въ Тюмень. Распутина окружаютъ его друзья, которые пользуются благами его безгрѣшныхъ доходовъ и распространяютъ его «ученіе».

Характеръ Распутина круто мѣняется. Онъ бросаетъ пить, задумывается часто, поститъ, въ его внѣшности происходитъ также перемѣна: онъ отпускаетъ длинные волосы и старается придать себѣ обликъ одержимаго.

Босикомъ въ стужу онъ ходитъ по монастырямъ, но отовсюду его почему-то гонятъ. Пробудетъ два-три дня въ монастырѣ, и скоро его «раскусываютъ».

Во время своихъ хожденій по женскимъ монастырямъ, Распутинъ соблазнилъ и изнасиловалъ нѣсколько послушницъ и монахинь. Дѣло доходитъ до святѣйшаго синода. Назначается ревизія. Возникаетъ въ это время и другое дѣло о сектѣ Распутина въ селѣ Покровскомъ и о моленіяхъ надъ ямой. Вскорѣ Распутинъ обходилъ босикомъ святыя мѣста. Но, какъ и въ первый разъ, его снова гонятъ отовсюду.

Прошло немного времени, и Распутинъ попадаетъ въ Петроградъ. Вліятельный въ сферахъ бывшій ректоръ петроградской духовной академіи, епископъ Ѳеофанъ, начинаетъ его выводить въ свѣтъ и знакомитъ съ вліятельными барыньками. Благодаря епископу Ѳеофану, Григорій Распутинъ становится своимъ человѣкомъ въ салонѣ графини Игнатьевой.

Вскорѣ Распутинъ попадаетъ въ Москву. Тамъ онъ проводитъ нѣкоторое время въ одномъ монастырѣ, настоятельницей котораго состоитъ одна высокопоставленная особая. Отсюда карьера Распутина начинаетъ быстро «восходить». Предъ Распутинымъ открываются двери московскихъ салоновъ. Но вскорѣ въ Москвѣ разыгрывается громкій скандалъ. Распутинъ проповѣдывалъ въ это время совмѣстное съ женщиной омовеніе въ банѣ «для умерщвленія и испытанія плоти». Рядъ свѣтскихъ дамъ подпали подъ вліяніе Распутина и ходили съ нимъ въ баню.

Въ Петербургѣ въ Распутина начинаютъ еще больше вѣрить съ тѣхъ поръ, какъ онъ «исцѣлилъ» предсѣдателю совѣта министровъ, П. А Столыпину, его парализованную руку во время взрыва на Аптекарскомъ островѣ. Между Распутинымъ и П. А. Столыпинымъ завязывается переписка. Вообще, въ это время положеніе Распутина становится настолько прочнымъ, что передъ нимъ заискиваютъ сильные міра сего. Къ нему ѣздятъ на поклонъ многіе министры.

Двѣ дочери покойнаго узнали лишь 18 декабря, что ихъ отецъ погибъ, когда на Петровскомъ островѣ была найдена его галоша. 18 декабря онѣ отправились на Петровскій островъ и просили допустить ихъ поближе къ рѣкѣ, гдѣ водолазы производили работы, но просьба эта не была удовлетворена.

19 декабря, утромъ, родные убитаго вновь прибыли на Петровскій островъ и присутствовали при извлеченіи трупа.

Трупъ былъ помѣщенъ въ одной изъ покойницкихъ клиники военнаго госпиталя на Выборгской сторонѣ. Трупъ, пролежавшій въ ледяной водѣ свыше двухъ сутокъ, оттаивается особымъ способомъ.

Трупъ охраняется агентами охраннаго отдѣленія. У трупа дежурятъ врачи. Послѣ оттаиванія будетъ немедленно приступлено къ вскрытію въ присутствіи высшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства и министерства внутреннихъ дѣлъ.

Родные возбудили ходатайство о выдачѣ имъ трупа для погребенія.

Всѣ бумаги и документы покойнаго опечатаны.

Тѣло Григорія Распутина, какъ передаютъ, будетъ отправлено на родину покойнаго, въ село Покровское, Тобольской губерніи, гдѣ и состоится погребеніе.

Среди нѣкоторыхъ круговъ столичнаго духовенства оживленно обсуждался вопросъ о томъ, можно ли служить панихиды. По этому поводу запрошенъ преосвященный Питиримъ, митрополитъ петроградскій. Передаютъ, что въ покояхъ владыки 19 декабря происходило совѣщаніе. Обсуждались, между прочимъ, вопросы о порядкѣ и мѣстѣ погребенія.

Въ квартирѣ г-жи В. 19 декабря отслужена первая панихида по погибшемъ. На панихидѣ присутствовали и дочери покойнаго, которыя временно поселились на квартирѣ г-жи В.

А. Н. ХВОСТОВЪ И РАСПУТИНЪ.

Около года тому назадъ, во время управленія А. Н. Хвостова министерствомъ внутреннихъ дѣлъ много шуму надѣлала исторія извѣстнаго проходимца Ржевскаго. Исторія эта послужила причиной остраго недоразумѣнія между министромъ и его товарищемъ С. П. Бѣлецкимъ и закончилась отставкой ихъ обоихъ.

Исторія эта разыгралась вокругъ Григорія Распутина, Ржевскій получилъ какое-то порученіе отъ А. Н. Хвостова, оставшееся въ тайнѣ отъ С. П. Бѣлецкаго. Послѣдній установилъ «наблюденіе» за Ржевскимъ, котораго основательно обыскали при переѣздѣ его черезъ границу въ Швецію и заставили тамъ выболтать, что онъ ѣдетъ по порученію министра внутреннихъ дѣлъ.

По возвращеніи изъ-за границы Ржевскій былъ арестованъ по обвиненію въ мошенническихъ продѣлкахъ и тогда онъ обратился къ Распутину, увѣряя, что миссія его, Ржевскаго, заключалась въ томъ, чтобы побудить Иліодора, находившагося тогда въ Норвегіи, организовать убійство Распутина.

Иліодоръ, сначала соратникъ Распутина, потомъ сталъ его злѣйшимъ врагомъ и въ борьбѣ съ нимъ потерпѣлъ полное пораженіе, завершившееся его бѣгствомъ изъ Россіи. Тогда же, въ разгаръ борьбы между А. Н. Хвостовымъ и Распутинымъ, Иліодоръ неожиданно сталъ на сторону Распутина и прислалъ ему телеграмму, въ которой предлагалъ ему прислать довѣренное лицо для сообщенія ему необходимыхъ данныхъ о посягательствѣ на его, Распутина, жизнь.

А. Н. Хвостовъ, конечно, рѣшительно отрицалъ возведенное на него Ржевскимъ обвиненіе, утверждая, что Ржевскому дано было совсѣмъ другое порученіе, а именно—купить у Иліодора его мемуары, которые онъ собирался публиковать за границей. Но А. Н. Хвостовъ отнюдь не скрывалъ своего крайне отрицательнаго отношенія къ Распутину, котораго онъ считалъ чрезвычайно вреднымъ и даже опаснымъ для государственныхъ интересовъ человѣкомъ, особенно въ настоящее время.

Распутинъ, по свѣдѣніямъ А. Н. Хвостова, былъ окруженъ чрезвычайно подозрительными субъектами, обдѣлывавшими самыя темныя дѣла. Не рѣшаясь проявить свою власть непосредственно въ отношеніи Распутина, А. Н. Хвостовъ сталъ производить обыски и аресты лицъ, окружавшихъ Распутина. Такъ произведенъ былъ обыскъ у нѣкоего Добровольскаго, инспектора народныхъ училищъ, но онъ былъ арестованъ не сразу и, хотя обыскъ далъ обильный матеріалъ, но арестовать Добровольскаго уже не удалось. Точно также арестованъ былъ Симановичъ въ тотъ моментъ, когда онъ вернулся домой въ автомобилѣ Штюрмера, который его допрашивалъ по обстоятельствамъ доноса Ржевскаго.

Разслѣдованіе по доносу Ржевскаго было поручено Штюрмеромъ сначала Гурлянду, но Манасевичъ-Мануйловъ сумѣлъ «подкопаться» подъ своего ненавистнаго соперника, и разслѣдованіе было передано ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось командировать заграницу для допроса Иліодора и выясненія тамъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла ген. Спиридовича. Ген. Спиридовичъ не разъ посѣтилъ и Хвостова еще въ министерскомъ кабинетѣ.

Съ увольненіемъ А. Н. Хвостова и С. Бѣлецкаго и назначеніемъ Б. В. Штюрмера министромъ внутреннихъ дѣлъ вся эта исторія заглохла. Куда дѣвался Ржевскій—пока неизвѣстно.

Послѣдняя почта

ХОДАТАЙСТВО АДМИНИСТРАТИВНО-АРЕСТОВАННЫХЪ.

Къ депутатамъ с.-д. фракціи и трудовикамъ поступаютъ ходатайства рабочихъ, вызванныя слѣдующими обстоятельствами:

Недавно почти во всѣхъ больничныхъ кассахъ были произведены обыски и аресты. Тѣ изъ арестованныхъ, которые были ранѣе на учетѣ, были немедленно переданы въ распоряженіе воинскаго начальника. Оказавшіеся при освидѣтельствованіи годными, были призваны, тѣ же, кто по болѣзни оказались негодными, получили свидѣтельства объ освобожденіи отъ военной службы. Это, однако, не освободило ихъ отъ содержанія подъ стражей, и всѣ они были снова препровождены въ домъ предварительнаго заключенія и въ «Кресты». Теперь они просятъ депутатовъ содѣйствовать облегченію ихъ участи, такъ какъ содержаніе подъ стражей губительно отражается на ихъ здоровьи. Нѣкоторые изъ депутатовъ уже обратились по этому поводу къ директору департамента полиціи.

ИСКИ КЪ Н. А. МАКЛАКОВУ ГЕН.-АД. КН. ЮСУПОВУ И ГЕН. АДРІАНОВУ.

Въ соединенномъ присутствіи гражданскаго касаціоннаго и перваго департаментовъ Сената 17 декабря разсматривалось десять исковыхъ прошеній московскихъ фирмъ, пострадавшихъ во время извѣстныхъ московскихъ безпорядковъ въ маѣ прошлаго года. Иски эти были предъявлены къ быв. мин. вн. дѣлъ гофмейстеру Н. А. Маклакову, быв. главноначальствующему г. Москвы ген. ад. Ф. Ф. Юсупову и быв. московскому градоначальнику ген.-м. А. А. Адріанову. По словамъ истцовъ, московскіе безпорядки происходили на глазахъ полиціи и, благодаря ея попустительству, приняли грандіозные размѣры. Власти бездѣйствовали и не было принято никакихъ мѣръ къ охранѣ имущества гражданъ. Истцы утверждаютъ, что они тщетно обращались за содѣйствіемъ къ полиціи; не могли они также найти и московскаго градоначальника. Все, что происходило въ дни безпорядковъ въ Москвѣ, было подлинно извѣстно московскому градоначальнику, московскому генералъ-губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, всѣ эти обстоятельства и послужили основаніемъ для предъявленія означенныхъ исковъ. Въ Сенатѣ предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ Ганскау, докладывалъ дѣло сенаторъ Фроловъ и заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ Гусаковскій. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ гофмейстеръ Маклаковъ представилъ въ Сенатъ письменныя объясненія. Въ нихъ онъ говоритъ, что Правительствующимъ Сенатомъ неоднократно разъяснилось, что привлеченіе должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства къ имущественной передъ частными лицами отвѣтственности можетъ имѣть мѣсто или какъ послѣдствіе преступленія либо проступка, или какъ послѣдствіе дѣянія непреступнаго. Въ первомъ случаѣ иску долженъ предшествовать приговоръ уголовнаго суда о виновности должностного лица и лишь во второмъ случаѣ потерпѣвшій въ правѣ начать прямо искъ гражданскій. Между тѣмъ истцы не представляютъ приговора уголовнаго суда о виновности отвѣтчиковъ въ бездѣйствіи власти, а потому, предъявленный ими искъ не можетъ подлежать разсмотрѣнію Правительствующаго Сената по существу, по его неподвѣдомственности соединенному присутствію гражданскаго касаціоннаго и 1-го департаментовъ Сената. Быв. главноначальствующій гор. Москвы ген.-адъют. кн. Юсуповъ въ своемъ объясненіи, представленномъ въ Сенатъ также считаетъ, что иски къ нему не подлежатъ удовлетворенію. Неправильность даннаго иска въ отношеніи къ кн. Юсупову явствуетъ съ полной очевидностью изъ признаній, содержащихся въ самомъ исковомъ прошеніи. Истцы признаютъ, что фирмы тщетно обращались за содѣйствіемъ къ полиціи и не могли найти московскаго градоначальника. При чемъ же тутъ, спрашивается, московскій генералъ-губернаторъ кн. Юсуповъ? Кн. Юсупову въ виду его болѣзни стало доподлинно извѣстно о безпорядкахъ въ Москвѣ только 28 мая въ 11—12 час. ночи, и тогда онъ немедленно вмѣшался въ распоряженія московской полиціи и принялъ мѣры къ прекращенію безпорядковъ. Во время же безпорядковъ ему приходилось въ виду болѣзни, ограничиться докладами московскаго градоначальника, неуклонно державшагося того мнѣнія, что происходящее въ Москвѣ—«патріотическія манифестаціи», и просившаго кн. Юсупова довѣриться его опытности и распорядительности: «Я не мальчикъ,—говорилъ онъ,—и служу здѣсь 7 лѣтъ». Какъ спрашивается, долженъ былъ поступить кн. Юсуповъ, только двѣ недѣли тому назадъ пріѣхавшій въ Москву и притомъ, въ виду болѣзни, не выходившій по требованію докторовъ изъ дома, какъ не довѣриться докладамъ московскаго градоначальника съ его семилѣтнимъ опытомъ градоначальства въ той же Москвѣ? Оберъ-прокуроръ въ своемъ заключеніи по вопросу о подвѣдомственности настоящихъ исковъ соединенному присутствію гражданскаго касаціоннаго и 1-го департаментовъ Сената присоединился къ точкѣ зрѣнія быв. мин. вн. дѣлъ Н. А. Маклакова. Соединенное присутствіе постановило за неподвѣдомственностью оставить эти иски безъ разсмотрѣнія.

По приказанію.

Еще Щедринъ въ изумленіи останавливался передъ безграничной способностью русскаго человѣка приспособляться ко всякимъ обстоятельствамъ. Въ видѣ классическаго примѣра онъ приводилъ слова Кукольника:

— Прикажутъ—акушеромъ буду.

Способность перевоплощаться «по приказанію» удивительна. Но она даетъ результаты мало удовлетворительные.

Легко изъ литератора превратиться—«по приказанію»—въ акушера. Но каково будетъ паціентамъ такого новоиспеченнаго акушера?..

А капризовъ начальства и предусмотрѣть нельзя.

Учителямъ нынѣ вдругъ «приказали» стать кооператорами.

Давно ли ихъ «не пущали» въ кооперацію давно ли за кооперативную дѣятельность учителямъ грозили скорпіонами.

Теперь та же рука Мымрецова беретъ учителя за тотъ же шиворотъ и тащитъ его не изъ кооперации, а въ кооперацію.

На основаніи циркуляра его превосходительства за № 0000 предписано всѣмъ учителямъ немедленно превратиться въ кооператоровъ.

Учителя не безъ легкаго ропота собираются на собраніи и разсуждаютъ о коопераціи.

Собрались и въ Екатеринбургѣ.

Прикинули, разсчитали—ничего путнаго изъ этой затѣи не выйдетъ. 250 человѣкъ внесутъ по 10 руб. паевыхъ—получится 2500 руб. На эти деньги нынче и въ деревнѣ лавочку не откроешь. А вѣдь потребности господъ городскихъ педагоговъ куда сложнѣе мужицкихъ.

Съ другой стороны—при такихъ капиталахъ кооперативъ не можетъ производить закупки изъ первыхъ рукъ и начемъ будетъ переплачивать. Въ учительскомъ кооперативѣ товаръ будетъ дороже мѣстнаго рынка. Даже старые кооперативы съ оборотомъ въ 150—200 тысячъ руб., съ тысячей членовъ бьются, какъ рыба объ ледъ изъ за оборотныхъ средствъ при всемъ ихъ опытѣ и знаніи рынка.

Проще бы т. г. педагогамъ записаться въ любой изъ 3-хъ мѣстныхъ кооперативовъ.

Тамъ притокъ 2500 руб. паевыхъ капиталовъ принесъ бы весьма ощутительную пользу. А г. г. учителя безъ особыхъ хлопотъ стали бы участниками готоваго налаженнаго дѣла.

Выиграло бы и старое общество, куда вошли бы учителя. Авось съ притокомъ интеллигенціи наладилась бы культурная работа кооперативовъ.

Учителямъ болѣе подходитъ культурная работа, чѣмъ коммерческія операціи, къ которымъ надо долго—долго пріучаться.

Но... начальство приказало, чтобы непремѣнно былъ особый учительскій кооперативъ, чтобы учителя не «скоплялись» съ прочей публикой, гдѣ можно встрѣтить и весьма неблагонамѣренныхъ, даже прямо «красныхъ» кооператоровъ. Зараза эта, какъ извѣстно, весьма распространена.

Начальство приказало—педагоги послушались.

Гдѣ то теоретики и практики коопераціи бьются надъ вопросомъ: какъ полезнѣе строить кооперативы.

А начальству все ясно.

Акцизники съ Акцизниками, учителя съ учителями, желѣзнодорожники тоже въ особую клѣтку,—а прочая не мудреная публика—

— Рразойдись!...

Такъ разрѣшаетъ начальство сложнѣйшіе вопросы кооперативнаго строительства.

Учительство же, вытянувъ руки по швамъ исполняетъ приказанія.

Кооператоры «по приказанію».

Я, впрочемъ, не думаю, чтобы педагоги такъ таки и выполнили приказаніе до конца.

Ну, собрались, поговорили, комиссію выбрали. Уставъ, можетъ быть, выработаютъ. Потомъ подождутъ утвержденія устава.

А тамъ съ Божьей помощью у начальства другіе виды обнаружатся насчетъ коопераціи.

Но ежели бы начальство не освободилось отъ кооперативныхъ увлеченій, дѣло будетъ взято измором. Отпишутся какъ нибудь. И не отъ такихъ напастей отписывались. Начальство у насъ строгое, но отходчивое.

Пришлось мнѣ, между прочимъ, бесѣдовать съ однимъ такимъ кооператоромъ «по приказанію».

— Съ чего это,—говорю,—начальство на васъ, учителей, напустилось.

— А это, видите ли, для отвлеченія мыслей отъ прибавокъ.

Пожалуй, что такъ.

Тролль.

Слѣдующій № выйдетъ 29-го декабря.

28 декабря всѣмъ подписчикамъ будутъ разосланы телеграммы П. А.

Хроника.

Рождественскія богослуженія. Въ первый день Рождества Христова божественная литургія преосвященнымъ Серафимомъ будетъ совершена въ Кафедральномъ соборѣ въ 8 час. утра.

26 декабря служеніе литургіи преосвященный Серафимъ совершитъ въ Ново-Тихвинскомъ женскомъ монастырѣ, а 27 декабря въ Екатерининскомъ соборѣ въ 9 час. утра.

Пріемъ у преосвященнаго. Пріемъ поздравителей у преосвященнаго Серафима состоится въ первый день Рождества Христова въ 1 час. дня.

Взамѣнъ визитовъ. 25 декабря въ помѣщеніи Екатеринбургскаго общественнаго собранія въ часъ дня, по иниціативѣ городского головы А. Е. Обухова, состоится традиціонное собраніе для обмѣна взаимныхъ поздравленій по случаю Рождественскихъ праздниковъ, взамѣнъ визитовъ.

Городскимъ головою разсылается большое количество приглашеній гражданамъ города. Все, что будетъ собрано между собравшимися, пойдетъ на призрѣніе бѣдныхъ г. Екатеринбурга.

Рождественскія елки. Въ архіерейскомъ домѣ 27 декабря на средства духовенства устраивается для учениковъ-бѣженцевъ елка съ подарками.

29 декабря желѣзнодорожнымъ клубомъ устраивается елка для учениковъ низшаго начальнаго училища, а для учениковъ высшаго начальнаго училища—литературное утро, съ участіемъ преподавательскаго персонала.

Елка для раненыхъ. 25 декабря въ лазаретѣ № 2 Екатеринбургскаго комитета Всероссійскаго союза городовъ въ помѣщеніи Коммерческаго собранія состоится въ 6 ч. в. елка и концертъ-спектакль для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Любителями будутъ разыграны двѣ пьесы: «Порченый» и «Двѣ тончихъ по одному слѣду», въ заключеніе ставится разнохарактерный дивертисментъ.

Елка въ кооперативѣ. 27 декабря въ помѣщеніи Кредитнаго союза будетъ устроена для дѣтей служащихъ союза елка.

Для этой цѣли ассигновано пока 200 руб., при чемъ половину изъ нихъ вноситъ союзъ, и половину—касса служащихъ.

Елка расчитана на 100 дѣтей.

Рождественская елка. Для дѣтей служащихъ Екатеринбургскаго земства, кружокъ земскихъ служащихъ устраиваетъ 28 декабря елку съ подарками.

Вечеръ для взрослыхъ. Служащіе Екатеринбургской уѣздной земской управы 28 декабря, на личныя средства устраиваютъ вечеръ для взрослыхъ, съ участіемъ любительскаго хора и оркестра изъ служащихъ. Предполагается устроить дивертисментъ и танцы.

Юбилейное торжество. 8 іюля 1916 г. исполнилось 30 лѣтъ со дня основанія въ г. Екатеринбургѣ о-ва велосипедистовъ и любителей физическаго развитія, но въ виду лѣтняго періода празднованіе юбилея было отложено на другое время. Въ настоящее время правленіе о-ва постановило отпраздновать юбилей 26 декабря въ 12 час. дня въ помѣщеніи общественнаго катка.

Призрѣніе бѣдныхъ. 27 декабря въ 1 ч. дня въ городской управѣ состоится собраніе горожанъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ дѣломъ призрѣнія бѣдныхъ въ г. Екатеринбургѣ.

Городскимъ головою А. Е. Обуховымъ разослано очень много особыхъ приглашеній наиболѣе обезпеченнымъ гражданамъ города, которымъ предлагается поддержать дѣло призрѣнія бѣдныхъ города своими пожертвованіями. Менѣе обезпеченные обыватели приглашаются помочь дѣлу своимъ личнымъ трудомъ въ качествѣ участковыхъ попечителей.

Подоходный налогъ. Въ виду образованія 3 податного уч. и необходимости сорганизовать для таковаго участковое по подоходному налогу присутствіе Пермская казенная палата обратилась къ Екатеринбургскому городскому самоуправленію съ предложеніемъ избрать 9 членовъ и столько же замѣстителей въ новое присутствіе, съ такимъ расчетомъ, чтобы вновь образованное подоходное присутствіе могло начать работу съ января 1917 г.

Перепись населенія г. Екатеринбурга. Предсѣдатель комиссіи по переписи населенія въ г. Екатеринбургѣ обратился съ просьбой къ ректору Екатеринбургской духовной консисторіи о разрѣшеніи ученикамъ 2-хъ старшихъ классовъ, духовной семинаріи, принять участіе въ качествѣ счетчиковъ-регистраторовъ въ переписи.

Помощь учащимся. Почетная попечительница 2 Екатеринбургской женской гимназіи М. М. Степанова сдѣлала слѣдующія пожертвованія для организаціи безплатныхъ завтраковъ для бѣднѣйшихъ учащихся гимназіи: большой никелированный самоваръ и на 50 человѣкъ посуды; кромѣ того г-жей Степановой внесены деньги на оплату 50 ежедневныхъ завтраковъ и 20 ежедневныхъ обѣдовъ въ столовой для учащихся за бѣднѣйшихъ учениць гимназіи; матеріалъ на форменныя платья, куплены учебныя пособія и пр.

Въ профессіональномъ о-вѣ. Библіотечная комиссія, избранная на послѣднемъ общемъ собраніи профессіональнаго о-ва служащихъ въ торг. промышленныхъ предпріятіяхъ для приведенія въ порядокъ библіотеки о-ва, работаетъ успѣшно и предполагаетъ закончить свою задачу къ Новому году. Большая часть книгъ уже систематизирована по отдѣламъ, составляется новый каталогъ. При разборѣ книгъ найдено, что многія изъ нихъ нуждаются въ переплатѣ, вслѣдствіе чего библ. комиссія полагаетъ обратиться къ ближайшему общему собранію съ предложеніемъ—ассиг-

вовать потребную сумму на переплетъ книгъ. Въ скоромъ времени библ. комиссія выпускаетъ обращеніе къ членамъ о-ва съ просьбой—поторопиться съ возвратомъ давно взятыхъ въ бил-кѣ о-ва книгъ.

Профессіональнымъ о-вомъ выписываются на предстоящій 1917 г. для своей читальни слѣд. журналы: «Лѣтопись», «Рус. записки», «Ежемѣсяч. журн.», «Вѣстникъ кооператив. служащихъ», «Трудъ», «Петроград. кооператоръ», «Союзъ потребителей», «Голосъ печатнаго труда» и «Вопросы страхованія», газеты: «День», «Русскія вѣдомости» и «Ур. Жизнь».

Естественно-научное собраніе. 27 декабря, въ 5 час. веч. въ музеѣ У. О. Л. Е. Уральскимъ майскимъ союзомъ устраивается естественно научное собраніе. Будутъ сдѣланы слѣдующіе доклады: «Борьба съ метафизическими призраками»—Ю. М. Колосовымъ; «Наши современныя знанія о появленіи жизни на землѣ», К. М. Лѣпихинымъ и «Водяной паукъ, его жизнь и психологія его индустріи» Д. Е. Харитоновымъ.

Выдача сахара. Служащимъ конторы отдѣленія сл. движенія Пермской ж. д. за декабрь мѣс. произведена выдача сахара для служащихъ въ конторѣ, въ размѣрѣ 1 фун. на человѣка.

Швейцару же за выдающуюся его службу назначено 5 фунт. сахару.

Безъ топлива. Служащимъ ст. Екатеринбургъ 1 Пермской ж. д. въ теченіе 2½ мѣс. не производится выдача дровъ, несмотря на ихъ ходатайства; между тѣмъ служащіе монетнаго двора и Екатеринбургскаго порайоннаго комитета по перевозкѣ грузовъ—дрова давно уже получаютъ.

Кражи. 21 декабря, въ магазинѣ бр. Агафуровыхъ, у А. П. Мурзина изъ кармана пиджака былъ похищенъ бумажникъ съ 350 руб.

28 декабря у И. С. Акридина съ воза было похищено разнаго бакалейнаго товара, на 144 руб 80 коп. Какъ въ той, такъ и въ другой кражѣ потерпѣвшими подозрѣніе ни на кого заявлено не было.

Театръ и музыка.

ПРАЗДНИЧНЫЙ РЕПЕРТУАРЪ.

Репертуаръ оперы на первые дни праздниковъ: 26 декабря утромъ: «Князь Игорь», вечеромъ «Борисъ Годуновъ», съ участіемъ М. К. Максакова, 27 декабря утромъ «Фаустъ» съ «Вальпургіевой ночью», вечеромъ «Пиковая дама», съ участіемъ Н. В. Карженина, 28 декабря утромъ: «Русланъ и Людмила», вечеромъ «Африканка» съ участіемъ М. К. Максакова, 29 декабря «Дубровскій» съ участіемъ Н. В. Карженина и М. К. Максакова; 30 декабря «Садко», и 31 «Севильскій цирульникъ», съ участіемъ М. К. Максакова.

Биржа труда.

Изъ отчета за ноябрь видно, что за этотъ мѣсяцъ въ городской Биржѣ труда послѣ сезоннаго наплыва въ октябрѣ, замѣчалось нѣкоторое уменьшеніе записи предложеній труда, въ день. но составъ записи почти не измѣнился. Уменьшился нѣсколько процентъ неквалифицированныхъ рабочихъ, съ 72, 6% упалъ до 65, 9,% Аккуратными посѣтителями биржи являются преимущественно прислуга, продавщицы, конторщицы.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ значительно расширился кругъ городскихъ кліентовъ и число городскихъ мѣстъ увеличились на 75 мѣстъ. Въ Биржу труда обращались слѣдующія предпріятія: Заводъ Ятесъ, Главное В.-Исетское лѣсничество, мастерская о—ва инженеровъ, Проводникъ, контора Асеа, Горное управленіе, Пермская ж. д. и друг. Очень характерно для спроса согласіе имѣть женщинъ рабочихъ. Появился спросъ на женщинъ-слесарей токарей, шорницъ. А также взято нѣсколько женщинъ-дворниковъ, кучеровъ.

Большинство посланныхъ на работу составляютъ женщины, но принятыя больше оказались все-же мужчины. Объясняется это неподготовленностью женщинъ ко многимъ отраслямъ труда, напр.: токарное и слесарное ремесло знаютъ очень не многіе женщины. Отъ женщинъ стрѣлочницъ требуется умѣнье собственноручно написать заявленіе, чего не могли исполнить многія изъ посланныхъ женщинъ. Всего въ ноябрѣ записалось рабочихъ вновь: 1075 человѣкъ, изъ нихъ 606 женщинъ. Посѣтило изъ записавшихся ранѣе 1383 чел., изъ нихъ 887 женщинъ. Послано на работу 701 человѣкъ и поступило 334. Спросъ выразился въ 402-хъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, по отношенію къ записавшимся поступившіе составили 31%.

Число свободныхъ мѣстъ не измѣнилось, достигая 569, въ то время какъ въ октябрѣ было записано 577 человѣкъ Изъ присланныхъ отчетовъ многихъ Бюро Труда видно, что дѣятельность Екатеринбургской Биржи Труда протекаетъ вполнѣ нормально. Если и наблюдается въ другихъ городахъ повышеніе спроса на трудъ, то это объясняется тѣмъ, что напр. Саратовская Биржа Труда, Ростово-Нахичеванское Бюро, Полтавская Биржа, Армавирская и многія другія провели безплатность услугъ для нанимателей.

Спросъ на трудъ несомнѣнно увеличится, когда Екатеринбургская Биржа труда будетъ поставлена въ одинаковыя съ другими организаціями по дѣлу посредничества, условія.

Правда, городская дума постановила плату съ нанимателей не брать, но таковая взимается еще до сихъ поръ.

Корреспонденціи.

ЧЕЛЯБИНСКЪ.

Челябинское потребительное общество рабочихъ и служащихъ, образовано въ 1907 г. За девять лѣтъ существованія, общество пережило много хорошихъ и плохихъ временъ.

Члены то прибывали, то убывали, Какъ и вездѣ, въ настоящее время наблюдается, что вступаютъ въ общество тогда, когда у него появляются товары и выходятъ, когда товары отсутствуютъ.

Теперь, благодаря ограниченному количеству сахара и другихъ предметовъ первой необходимости, какъ то крупъ, табаку, муки, члены замѣтно убываютъ, но все же общество насчитываетъ въ настоящее время до 2000 членовъ, большинство которыхъ изъ уѣзда.

Годовой оборотъ общества—200000 руб.

Общество владѣетъ собственнымъ домомъ, въ которомъ находится одно изъ отдѣленій, остальная часть дома приспособлена для квартиры служащихъ.

Всего общество имѣетъ 5 отдѣленій съ 18 служащими, преимущественно женщины.

Товары въ большинствѣ пріобрѣтаются на мѣстномъ рынкѣ, и частью получаются черезъ городской продовольственный комитетъ.

Обществомъ было пріобрѣтено 400 саж. дровъ, но въ виду ихъ недоставки во время, принуждено возвращать обратно за нихъ отъ членовъ деньги.

Печальнѣе всего обстоитъ у о-ва просвѣтительная дѣятельность.

Въ конторѣ общества есть не большой шкафъ съ книгами, который не открывался уже нѣсколько лѣтъ, и даже ключъ отъ шкафа утерянъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникла мысль объ изданіи кооперативнаго журнала. Были даже ассигнованы средства, и возбуждено ходатайство о разрѣшеніи изданія журнала. Разрѣшеніе почему-то затянулось и вопросъ о журналѣ постепенно заглохъ.

Въ настоящее время въ обществѣ возникъ вопросъ объ устройствѣ лавочныхъ комиссій, какъ это организовано въ Екатеринбургѣ въ первомъ о-вѣ потребителей.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Отъ Петроградскаго телеграфнаго агентства.

АРТИЛЛЕРІЙСКІЕ БОИ.

ПАРИЖЪ. 22 декабря. Французское вечернее оффиціальное сообщеніе. Между Уазой и Эномъ мы разсѣяли непріятельскій развѣдочный отрядъ, къ сѣверу отъ Фонтенуа захватили плѣнныхъ. Довольно ожесточенная артиллерійская борьба происходила въ Секторѣ къ западу отъ дороги Суенсоммеръ, въ районѣ Дуомона и высоты Пуавръ. На остальномъ протяженіи фронта обычная артиллерійская перестрѣлка.

Въ пятомъ часу вечера германскій аэропланъ сбросилъ двѣ бомбы надъ Компьеномъ. Ранена одна женщина. Никакихъ матеріальныхъ поврежденій не произведено.

ГАВРЪ. 22 декабря. Бельгійское оффиціальное сообщеніе. Бельгійскіе патрули въ теченіе ночи проявили дѣятельность къ востоку отъ Тервиза. Сегодня происходилъ оживленный артиллерійскій бой на направленіяхъ Рамскапелле, Диксмюда и Гетзаса.

Итоги думской сессіи.

Подводя итоги только что закончившейся коротенькой законодательной сессіи, депутаты въ общемъ приписываютъ ей серьезное политическое значеніе.

М. В. Родзянко.

Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко заявляетъ, что, по его мнѣнію, народное представительство мужественно и честно исполнило свой долгъ въ истекшую сессію.

С. И. Шидловскій.

Предсѣдатель блока С. И. Шидловскій утверждаетъ, что Дума своими выступленіями подчеркнула полное единеніе народнаго представительства со всей страною. Дума, говорилъ онъ,— правильно выразила господствующее настроеніе. Дальнѣйшая линія поведенія думскаго большинства должна остаться такой же. Сказать твердо, что эта линія не измѣнится, конечно, нельзя, ибо линія поведенія диктуется обстоятельствами, но то, что сдѣлала Дума, это сдѣлалъ блокъ.

В. А. Маклаковъ.

Общее политическое положеніе и причины русской государственной слабости,—говоритъ В. А. Маклаковъ,—вотъ вопросы, разрѣшеніемъ которыхъ была занята Дума въ минувшую сессію. Успѣхи политической мысли въ этомъ отношеніи очень значительны. Лозунги о необходимости смѣны не лицъ, а измѣненія самой системы управленія,—лозунги, которые прежде только бродили въ отдѣльныхъ кругахъ и для многихъ казались безсмысленными мечтаніями,—теперь стали общимъ достояніемъ не только Думы, но и всего политически-мыслящаго общества. Это и есть главное завоеваніе сессіи, ибо, конечно, руководящую роль въ этомъ политическомъ просвѣщеніи сыграла Дума.

А. И. Коноваловъ.

Итоги сессіи, конечно, не находятся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ основными задачами, поставленными передъ нею политическимъ моментомъ,—говоритъ онъ.—Все осталось по прежнему: та же система, все тѣ же прежніе министры. Нельзя однако не признать, что Дума поднялась благодаря своимъ мужественнымъ рѣчамъ бичующимъ современный режимъ и раскрывающимъ язвы нашего народно-хозяйствен. аппарата,—поднялась на необычайную въ глазахъ народа высоту. Съ этой точки зрѣнія и должна быть сдѣлана оцѣнка Д., которая рождалась при большомъ содѣйствіи административн. власти на мѣстахъ и при томъ содѣйствіи которое было проявлено творцами этихъ выборовъ, съ Саблеромъ во главѣ. Власть оказалась глуха къ требованіямъ Думы и всей націи. Она повела въ періодъ думской работы борьбу съ русской общественностью, напрягающей всѣ свои силы въ тяжелой міровой войнѣ. Прошедшая сессія все же даетъ уроки Думѣ и странѣ. Дума должна взывать къ поддержкѣ всѣхъ организованныхъ силъ народа. Опираясь на нихъ, Дума будетъ черпать силы для дальнѣйшей своей борьбы. Странѣ же пережитый мѣсяцъ показалъ, что на Думу не слѣдуетъ возлагать преувеличенныхъ надеждъ, такъ какъ безъ сильной поддержки страны она едва ли сможетъ выявить свою волю. Дальнѣйшая организація страны диктуется основной задачей момента, которая только можетъ привести къ разрѣшенію стоящей передъ нами задачи,—побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ и возрожденія Россіи.

Ф. И. Родичевъ.

Въ законодательномъ отношеніи эта сессія дала минимумъ, но она значительнѣе всѣхъ другихъ въ политическомъ отношеніи. Въ настоящее время въ Россіи нѣтъ ни одного государственнаго установленія, которое не было бы въ разрухѣ и функціонировало бы правильно, кромѣ Думы. Она—единственное охранительное учрежденіе страны. Прислужники власти стремятся ее осилить, и если имъ это удастся, всякая государственная связь въ странѣ будетъ разрушена.

В. А. Степановъ.

В. А. Степановъ говоритъ: Мы съ чувствомъ полнаго удовлетворенія можемъ сказать: Дума хорошо начала и хорошо кончила. Первое и послѣднее засѣданія прозвучали значительнымъ и дружнымъ аккордомъ.

Письма въ редакцію.

М. Г., г. Редакторъ!

Въ № 284 вашей газеты въ корреспонденціи съ Асбестовыхъ рудниковъ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія строки:

«Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ маленькое, но характерное обстоятельство: руководители культурно-просвѣтительнаго отдѣла Уральскаго союза, несмотря на двукратное приглашеніе, на празднествѣ отсутствовали».

Въ видахъ реабилитаціи считаю нужнымъ привести слѣдующіе факты:

Первое приглашеніе представителя Вознесенскаго о-ва п-лей «Асбестъ» мною было получено на 6 декабря, но обѣщать присутствовать на открытіи библіотеки я не могъ, такъ какъ въ это время былъ занятъ счетоводными курсами въ г. Камышловѣ, въ частности же устройствомъ съ помощью слушателей курсовъ народнаго спектакля въ сосѣднемъ къ Камышлову с. Галкинскомъ.

Въ этотъ день открытія библіотеки по причинамъ административнымъ не состоялось и было перенесено на 11 декабря...

Вторичное приглашеніе было передано мнѣ представителемъ 9 декабря одновременно съ обѣщаніемъ выслать лошадей на ст. Баженово. Условившись такимъ образомъ съ представителемъ о-ва, я 10 декабря вечеромъ съ поѣздомъ № 22 выѣхалъ на ст. Баженово.

По пріѣздѣ на станцію, выяснилось, что обѣщанныя лошади не присланы, частныхъ же ямщиковъ до пріисковъ нанять не удалось, и я съ встрѣчнымъ поѣздомъ № 21 въ 5 час. утра вынужденъ былъ возвратиться въ Екатеринбургъ.

Такимъ образомъ, непосѣщеніе празднества представителемъ союза находится скорѣе въ зависимости отъ самихъ устроителей празднества, но никакъ не отъ культурно-просвѣтительнаго отдѣла.

Съ искреннимъ уваженіемъ инструкторъ по культурно-просвѣтительной дѣятельности

В. Семеновъ.

Недоставленныя телеграммы.

Попову—Перми, Вымера—Ямбурга, Крутову—Киренска, Якушеву—Москвы, Яхнину—Петрограда, Шепелеву—Турьинскихъ рудниковъ, Миквицъ—Перми 2, Дицману—Москвы, Клопову—Москвы, Масловскому—Кунгуръ, подателю № 2231/в.—Кременчуга Шульману—Н.-Новгорода, Врагеру — Сабика, Поповичу—Рыбинска, Маргунову — Злезерній. Картевой—39 п.-т. отд., Дикову—Архангельска, Сыропятникову—Н.-Новгорода, Жиликсъ—Златоуста, Пьянковой—Челябинска, Бушиной—Н.-Тагила, Курешевицкой—Мензелинска, Мадневичъ—Турьинскихъ руд., Степанову—Серебрянск. зав., Караваеву—Троицка. Макаризтину—Кунгура, Андріанову—Одессы, Матвѣшко—Давлеканово, Мавеевой—Бійска.

Справочный отдѣлъ.

ИМЕННОЙ СПИСОКЪ

жертвователей въ пользу Георгіевскаго Комитета для семействъ пострадавшихъ на войнѣ Георгіевскихъ кавалеровъ по подписнымъ листамъ.

Русское О—во торгов. аптекар. тов. 1000 р., Бр. Агафуровыхъ 500 руб., Т—во Ф. Ш. Богатеевъ 500 руб., Ив. Ег. Ятесъ 300 руб. Т—во Е. Первушина С-ми 300 р., Т. Д. Бр. Степановыхъ 300 руб. И. М. Лиханинъ 200 р., Управляющ. Сысертск. зав. 200 р., Н. Ф. и С. Ф. Злоказовы 200 р., Т—во Реддавей 200 р., М. В. Топорищевъ 100 р., А. П. Вишневецкій 100 р., Бр. Макаровы 100 р., Русскій д. внѣшн тор. Банкъ 100 р., Торг. Пром. Т—во Износковъ-Зуккау и Ко 100 р., Ф. Ф. Соснинъ 100 р., Бекеровскій 100 р., Русск. Акціонерн. О—во Сименсъ-Шуккертъ 100 р., И. Г. Крумнагъ 100 р., С. С. Шикинъ 100 р., Т—во В. С. Вагановъ и С-вья 100 р.. Екатеринбургской уѣздной комиссіи Комитета Великой Княгини Елизаветы Феодоровны 100 р., А. А. Лейя 100 р., Служащихъ и рабочихъ завода И. Е Ятесъ 101 р. 70 коп., Т—ва Р. Р. Мануфактуры подъ фирмою «Треугольникъ» 75 р., А. Н. Халамейзеръ 100 р., Т—во С. и А. Выборовъ съ С-ми 100 р., С. В. Лотчиновъ 100 р., Т—во А. Ф. Второва съ С-ми 50 р., Инж. Бѣленьковъ 50 р., Э. Э. Кисельмана 50 р.. Дирекція театра «Художественный» 50 р., Н. Н. Барабашкинъ 50 р. Ив. С. Алинъ 25 р., В. Ф. Щепинъ 25 р., Н. Е. Нуровъ 25 р., А. А. Шварте 25 р., В. Н. Вепржевскій 25 руб., В С Горяевъ 25 р., Я. Н. Фельдштейнъ 25 р., В. С. Вяткинъ 25 р., С. Ф. Чистяковъ 25 р., Н. И Трутневъ 25 р., Ж. Б. Нудельманъ 25 р., С. В. Атамановъ 25 р., Замятинъ 25 р., Н. Лазаревъ 25 р., С. Г. Пильниковъ 25 р., В. М. Злоказовъ 25 р., А. Н. Бѣленьковъ 25 р., Н. С. Широкова 25 руб., Н. Ф. Круковскій 25 р., П. С Первушинъ 25 р., Вл. А. Злоказовъ 25 р., П Ф Давыдовъ 25 р., М. П. Врагинъ 25 р., А. А. Желѣзновъ 25 р., Служащіе и рабочіе фабрики 25 р., Г. Перетцъ 21 р. 25 к., В. М. Пушешескій 20 р., М. И. Бидишъ 15 р., К. Соломоновъ 15 р., В. П. Аничковъ 12 р., Г. Г. Щербаковъ 10 р., Г. Г. Шварте 10 р., Г. Б. Перетцъ 10 р., И. А. Анцеловичъ 10 р., М. М. Шмереръ 10 р., Н. Соломонова 10 р., И. В. Вѣтошевъ 10 р., И. С. Соколовъ 10 р., С. И Ситниковъ 10 р., Г. П. Тяхтъ 10 р., Я. С. Азерьеръ 10 р., М. И. Гребенькова 15 р., В. Л Метешковъ 5 р., И. Ф. Бакакинъ 3 руб. отъ разныхъ лицъ 51 руб.

Редакторъ А. В. Комаровъ.
Издатель П. И. Пѣвинъ.

Росписаніе поѣздовъ.

(Съ 1 мая 1916 г.).

Приходятъ въ Екатеринбургъ.

Изъ Перми по главной линіи. Курьерскій № 2 Петроградъ—Владивостокъ съ ваг. 1—2 кл. въ 2 ч. 42 м. ночи по пятницамъ. Пассажирскій скорый № 6 (Петроградъ—Иркутскъ) съ ваг. 1—3 кл. въ 12 ч. 40 м. ночи. Почт.-пас. № 4 съ ваг. 1—3 кл. въ 2 ч. 56 м. дня. Тов.-пас. № 22 съ ваг. 3 и 4 кл. въ 1 ч. 22 м. дня.

Изъ Перми по горнозаводской линіи. Почт.-пас. № 4у съ ваг. 1-2 кл. въ 7 ч. 36 м. веч. Тов.-пас. № 22у отъ Перми до Гороблагодатской 3-4 кл.; отъ Гороблагодатской до Ек-бурга 1—4 кл. въ 11 ч. 41 м. утра.

Изъ Челябинска. Пассажирскій № 5, безпересадочный, въ 7 ч. 46 м. утра. Почтово-тов.-пассажирскій № 3 въ 3 ч. 31 м. дня. Товаро-пассажир. № 21 III—IV кл. въ 2 ч. 11 м. дня.

Изъ Омска. Курьерскій № 1, I—II кл. по четвергамъ въ 7 ч. 06 м. дня. Почтово-пассажир. № 3 I—III кл. въ 2 ч. 41 м. дня Товаро-пассажир. № 21 I—IV кл., въ 7 ч. 21 м. утра.

Отходятъ изъ Екатеринбурга.

Въ Пермь по главной линіи. Курьерскій № 1 съ ваг. 1-2 кл. по четвергамъ въ 7 ч. 33 м. в. Поч.-пас. № 3 съ ваг. 1-3 кл. въ 4 ч. 23 м. дня. Скорый поѣздъ № 5 (Иркутскъ—Петроградъ) съ ваг. 1-3 кл. въ 8 ч. 11 м. ут. Тов. пас. № 21 съ ваг. 3-4 кл. въ 4 ч. 41 м. дня.

Въ Пермь по горнозаводской линіи. Почт.-пас. № 3у съ ваг. 1-3 кл. въ 10 ч. 38 м. утра. Товар.-пас. № 21у съ ваг. 1-4 кл. отъ Екатеринбурга до Гороблагодатской, отъ Гороблагодатской до Перми съ ваг. 3—4 кл. въ 8 ч. 30 м. вечера.

Въ Челябинскъ. Почтово-тов. пассажир. № 4, безпересадочный, I—III кл. въ 3 ч. 51 м. дня. Пассажир. № 6 безпересадочный въ 1 ч. 06 м. ночи. Товаро-пас. № 22 IV кл. въ 2 ч. 16 м. дня.

Въ Омскъ. Курьерскій № 2. безпересадочн. I—II кл., по пятницамъ въ 3 ч. 21 м. ночи. Почтово-пассажирскій № 4 I—III кл., въ 4 ч. 37 м. дня. Товаро-пассажирск. № 22 I—IV кл. въ 9 ч. 11 м. вечера.

СИЛИКАТЪ
имѣется въ продажѣ съ требованіями обращаться къ Калмыкову Фетисове. № 20. тел. 2-7

Правленіе Русскаго Торгово-Промышленнаго Товарищества
„ТОРГОПРОМЪ",
Петроградъ, Спасская, 41,
извѣщаетъ, что въ виду прибытія громадныхъ партій продается со склада по очень дешевой цѣнѣ
СТАЛЬ восьмигранная буровая разм. 7/8", 1 1/8" и 1 1/4"
СТАЛЬ инструментальная англійская и шведская, круглая и квадратная разн. размѣр.
Спецификація высыл. по перв. треб.

Къ свѣдѣнію
ЗАВОДОВЪ
кожевенныхъ, мельницъ
и др. предпріятій, работающихъ на оборону. Принимаются заказы на БАРАБАНЫ съ прямымъ и обратнымъ ходомъ, шкивы, кронштейны, цилиндры, и расточка ихъ, нарѣзка вальцевъ и др работы
Заводъ С. Х. Чайдуръ. Омскъ.

18 декабря
ночью по дорогѣ по Вознесенскому пр. или въ Коммерческомъ Собраніи
Утерянъ портфель
съ камнями и документами. Возвратившему 500 р. вознагражденіе. Адр. Вознесенскій пр. 29 Хіенинсонъ.

Офицеръ молодой военный въ хорош. воспитанной семьѣ (желательно въ еврейской) ищетъ комнату. Предл ож. письм. въ К—рѣ газ. для «Ге».

Секретарь (желательно у коммерсанта) предлаг. свои усл., имѣющ. нѣкоторый опытъ военный; днемъ свободенъ 1 ч.—2 ч. веч. 2 ч.—3 ч Вознагр. большой роли не играетъ Предл. письм въ К-рѣ газ. для «Ге».

Нуженъ поваренокъ или мужчина безъ претензій въ небольшую семью Вознесенскій пр № 33

Ищу мѣсто приказчика им залогъ и рекоменд Адр. Обсерваторск. 30 Сипневскому.

НА ПАМЯТЬ ПОДАРКИ!
Распродаемъ: пуховые шелковые, полушелков. батистовые и др. платки, фуфайки, кальсоны и разн. бѣлье; перчатки, чулки, носки, гетры, блузки, шапки, шарфы и мн. др Арсеньевск. пр. 20, Рядомъ съ колбасною Моисеева „Лузинскій Базаръ".

Продается домъ угловое центр. мѣсто спросить Малаховская № 21. кв. Волошиной.

Продаются двѣ коровы тутъ же отпускаются племенные быки. Адр. Сибирск. пр № 78, противъ ст. Екатеринбургъ II.

МЕХАНИЧЕСКАЯ
по металлу мастерская находу продается. 3 сам., свер., точил., кузнечн. мѣхъ, инстр., динамо-маш. для никкил., соли, аноды, электро-мот. 3-хъ фаз., трансмис., инстр. Цѣна 7500 руб. Пермь, Контора А. И. Калиты: Сибирская, 5/30.

ОЧЕНЬ ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ
варить мыло разныхъ сортовъ моимъ раціон., т.-е. правильнымъ и выгоднымъ способомъ. Научаю на практикѣ и заочно. Отъ учениковъ своихъ имѣю уже болѣе 200 благодарственныхъ писемъ, каковые и впредь надѣюсь получать Ручаюсь въ этомъ. Условіе обученія и предостереженіе отъ обмана высылаю безплатно.
Адресъ: Красноуфимскъ (Пермской губ.) мыловару Павлу КЛЮКАНОВУ, собственный мыловаренный заводъ.

Еженедѣльн. ИЛЛЮСТРИРОВ. журналъ (39-й г. изд.). ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.
„РОДИНА"
ПОДПИСКА на 1917 г. приним. по ПЯТИ АБОНЕМЕНТАМЪ, дающимъ РАЗНОЕ КОЛИЧЕСТВО КНИГЪ при одномъ НЕИЗМѢННОМЪ ЧИСЛѢ ВЫПУСКОВЪ ЖУРНАЛА.
АБОНЕМЕНТЪ № 1-й
232 ВЫПУСК. 52 в. журн. „РОДИНА" 52 в. „ВСЕМІР. ОБОЗРѢН." 52 в. „НЕДѢЛЯ ВОЙНЫ" 52 вып. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ" (около 3200 столбцовъ текста и свыше 1200 иллюстрацій, 12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ", 12 №№ „НОВѢЙШІЯ МОДЫ".
52 КНИГИ РОМАНОВЪ РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ, а именно: ДВѢНАДЦАТЬ книгъ НОВЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ на военныя и друг. современ. темы, выдающ. автор.
12 КНИГЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ (нов. серія) „русскаго Дюма"—извѣстн. истор.-беллетр. князя М. Н. ВОЛКОНСКАГО
12 КНИГЪ нов. сер. БЫТОВ. и ИСТОРИЧ. РОМАНОВЪ Н. СЕВЕРИНА
12 КНИГЪ ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ, СТИХОТВОР. СОВРЕМЕН. ПИСАТЕЛЕЙ „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ"
4 КНИГИ юмор. произв. „БИБЛІОТЕКА СМѢХА"
За ГОДЪ безъ доставки 13 р. | Съ пересылкой 14 р. | РАЗСРОЧКА: первый взносъ 5 р.
АБОНЕМ. № 2-й 232 ВЫП. журн. и прилож. „РОДИНА" и вмѣсто вышеуказанныхъ 52 книгъ перваго абонемента—
82 КНИГИ ПОЛН. СОБРАНІЯ ВСѢХЪ сочин. (беллетрист. и философскихъ) Л. Н. ТОЛСТОГО
ПОДПИСНАЯ ГОД. ЦѢНА безъ доставки въ Петроградѣ 17 р. | съ пересылк. по Россіи 18 р. | РАЗСРОЧКА перв. взносъ 6 р.
АБОНЕМ. № 3-й — СОЕДИНЕНІЕ АБОНЕМЕНТОВЪ №№ 1 и 2, т. е. 232 ВЫП. журнала „РОДИНА" и 134 КНИГИ т. е. 52 КНИГИ РОМАН. и соч. РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ (абон. № 1) и 82 КНИГИ полн. собран. соч. Л. Н. ТОЛСТОГО (абон. № 2).
ГОДОВАЯ ПОДПИСН. ЦѢНА безъ достав. 24 р. | съ пересылкой 26 р. | РАЗСРОЧКА перв. взносъ 8 р.
АБОНЕМЕНТЪ № 4-й—УДЕШЕВЛЕННЫЙ
232 вып. журнала „РОДИНА" его отдѣл. и прилож. и 28 КНИГЪ т. е. 12 кн. НОВЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ, 12 кн „СБОРНИКА ЛИТЕРАТУРЫ" и 4 книги „БИБЛІОТЕКИ СМѢХА".
ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки 11 р. 50 к. | съ пересылкой 12 р. | РАЗСРОЧКА перв. взн. 4 р.
АБОНЕМ. № 5 — СОВМѢСТНАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ „РОДИНА" и „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ"
336 ВЫП. т. е. 232 вып. журн. „РОДИНА" и его отд. и 104 вып. ил. журн. соврем. жизни „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ" и юмор. отд. „СМѢХЪ и САТИРА", и кромѣ того
52 КНИГИ ИСТОРИЧ. и БЫТОВ. РОМАНОВЪ кн. М. Н. ВОЛКОНСКАГО, Н. СЕВЕРИНА, НОВЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ, „СБОРНИКА ЛИТЕРАТУРЫ" и „БИБЛІОТЕКИ СМѢХА"
ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки 20 р. | съ пересылкой 21 р. | РАЗСРОЧКА первый взносъ 7 р.
ДВѢ БОЛЬШІЯ КАРТИНЫ-ПРЕМІИ „ГАДАНІЕ" „СВИДАНІЕ" только за одинъ РУБЛЬ (вмѣсто трехъ рублей) тѣмъ подписчикамъ, кто въ теченіе года внесетъ ГОДОВУЮ ПЛАТУ.
ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО. Указать журналъ и абонем., подписку адресовъ. Акціон. Обществу ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская, 114. Отдѣл. конт. ПЕТРОГРАДЪ, САДОВАЯ, д. 20 (3-й д. отъ Невскаго). ВЪ МОСКВѢ—на ПЕТРОВСКИХЪ линіяхъ, у Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ
ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО
ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые Товариществомъ М. О. ВОЛЬФЪ.
ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1916 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.
41-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей МЛАДШАГО ВОЗРАСТА (отъ 5 до 9 лѣтъ) получать
52 №№ и 48 ПРЕМІЙ,
въ числѣ которыхъ:
■ БОЛЬШАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА „ВЕСЕЛАЯ ПОѢЗДКА", исполненная въ краскахъ по оригин. художн. А. Эльслея.
12 ЛИСТОВЪ „ИГРЫ, РАБОТЫ, РУКОДѢЛІЯ" и пр. для вырѣзыванія, склеиванія и пр., въ краск. и черн.
■ ПТИЧІЙ ДВОРЪ. ■ РЫБКА ДЛЯ БУЛАВОКЪ. ■ КУКОЛЬНЫЙ ДОМЪ. ■ ЧЕРНЫЙ ЗВѢРИНЕЦЪ. ■ ПОЖАРНАЯ КОМАНДА. ■ КОШКА И МЫШКА (Игра). ■ СКАЧКИ СЪ ПРЕПЯТСТВІЯМИ. ■ СОСТАВНАЯ ЛОШАДКА. ■ БОЛЬШОЙ СЛОНЪ. ■ АРИФМЕТИЧЕСКОЕ ЛОТО. ■ ДЮЖИНА БОМБОНЬЕРОКЪ. ■ РУССКІЕ СОЛДАТЫ.
8 ВЫП. „МОЯ ПЕРВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ КНИГА". Легкое руководство къ изуч. франц. языка для дѣтей, съ многих. рис.
6 ВЫП. „РОДНАЯ СТАРИНА ВЪ КАРТИНКАХЪ", П. Гурьева и П. Чеснокова, съ краткимъ текстомъ (Новая серія).
6 ТАБЛ. „УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ КРЕСТИКАМИ".
4 ВЫП. „ШКОЛА ЗВѢРЕЙ ДЛЯ ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ", въ картинкахъ и стишкахъ.
12 ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ ДЛЯ РАСКРАШИВАНІЯ.
6 ВЫП. „МОЯ ПЕРВАЯ БОТАНИКА", въ картинкахъ, очеркахъ и разсказахъ.
■ АЗБУКА МУРЗИЛКИ. Со многие. рис.
8 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМІРНЫЙ ИСТОРИКЪ", въ разсказахъ и картинкахъ (Нов. сер.).
6 ТАБЛ. „РИСОВАНІЕ ПО ПУНКТИКАМЪ" по системѣ Роберта.
4 ВЫП. „ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ". Свѣдѣнія о разныхъ предметахъ въ очеркахъ для дѣтей.
6 КНИЖЕКЪ „РАЗСКАЗОВЪ И СКАЗОКЪ" для дѣтей младш. возр.
■ ВѢЧНЫЙ КАЛЕНДАРИКЪ „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА". и мн. др.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей СТАРШАГО ВОЗРАСТА (отъ 9 до 14 лѣтъ) получать
52 №№ и 48 ПРЕМІЙ,
въ числѣ которыхъ:
12 ТАБЛ. „ЦАРСТВО ГРИБОВЪ", въ краскахъ, 95 изображеній, съ объяснит. текстомъ и рисунками.
6 ВЫП. „ГЕРОИНИ ПРОШЛАГО". Разсказы и очерки Леонида Черскаго съ рис.
8 ВЫП. „КНИГА ВЕЛИКИХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ", въ общедоступномъ изложеніи, съ портр. и рис.
6 РАЗСКАЗОВЪ ДЖЕКА ЛОНДОНА, СЭТОНА ТОМПСОНА, и др. авторовъ для юношества, съ рис.
6 ВЫП. „ГЕРОИ ЖИВОГО СЛОВА", біографич. очерки съ портр.
6 ВЫП. „ЗНАМЕНИТ. ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ", съ портр. и рис. (Новая серія).
4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКА СПОРТА", игры и занятія для юношества, а именно:
■ УХОДЪ ЗА СТАЛЬН. КОНЕМЪ. ■ ПЕРВАЯ КНИЖКА СКАУТА. ■ КАТАНЬЕ СЪ ГОРЪ. ■ ХОДЬБА (Учитесь ходить).
4 КНИЖКИ „БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ", для юношества, а именно:
■ ДОМАШНІЙ МАЛЯРЪ. ■ ЮНЫЙ РУССКІЙ ГРАЖДАНИНЪ. ■ СПУТНИКЪ ЮНОЙ ХОЗЯЙКИ. ■ УХОДЪ ЗА ЦВѢТАМИ.
6 РАБОТЪ „ДЛЯ ВЫРѢЗЫВАНІЯ И СКЛЕИВАНІЯ", цвѣтныхъ и черныхъ.
■ ИЛЛ. ХРОНИКА ВОЙНЫ въ доступномъ для юношества изложеніи.
■ ПУТЕШЕСТВІЕ НА ОСТРОВЪ ДРУЖБЫ. Большая комнатная игра для мальчиковъ и дѣвочекъ.
■ СПУТНИКЪ ШКОЛЫ. Календарь и записная книжка для учащихся на 1917—1918 учебн. годъ, съ прил., въ перепл., и мн. др.

Въ текстѣ журнала „Задушевное Слово", въ числѣ друг. произвед., въ наступающ. подп. году будутъ помѣщены:
а) въ журналѣ для МЛАДШАГО ВОЗРАСТА: „КОФУЛЬКИ". Повѣсть изъ жизни маленькихъ школьницъ Л. А. Чарской. „КУКОЛЬНОЕ КОРОЛЕВСТВО". Повѣсть-сказка Евг. Чирикова. „ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ ПЕТРУШКОЮ". Разсказъ Клавдіи Лукашевичъ. „МАЛЬЧИКЪ ИМПЕРАТОРЪ". Разсказъ изъ русской исторіи, С. Ф. Либровича. „МАМА ВЪ ПЛѢНУ". Разсказъ изъ современ. войны. Л. Черскаго. и мн. др.
б) въ журналѣ для СТАРШАГО ВОЗРАСТА: „НАТАШИНЪ ДНЕВНИКЪ". Новая большая повѣсть Л. А. Чарской. „ОРЕЛЪ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА". Историческая повѣсть В. П. Авенаріуса. „СТРАНИЧКА ВОСПОМИНАНІЙ". Клавдіи Лукашевичъ. „ЧУТКАЯ ДУША". Разсказъ о жизни одного друга юношества. П. В. Быкова. „КНЯГИНЯ КІЕВСКАЯ". Пов. изъ врем. глубок. русск. стар. М. Д. Ордынцева-Кострицкаго и др.
Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться «ДѢТСКІЯ МОДЫ» и «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ».
Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—на годъ ДЕВЯТЬ руб. 3 р.
Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по
Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ.—ПЕТРОГРАДЪ: 1) Гостиный Дворъ, 18 и 2) Невскій, 13.
ЗА ГОДЪ—9 рублей, РАЗСРОЧКА—по 3 рубля.

12-й годъ изданія
ЕДИНСТВЕННЫЙ въ РОССІИ художественный, въ краскахъ, журналъ новѣйшей литературы, изящныхъ искусствъ и современной жизни
СЪ ГРОМАДНОЙ ГАЛЛЕРЕЕЙ НОВЫХЪ РОСКОШНЫХЪ ВКЛЕЙНЫХЪ КАРТИНЪ
ПРОБУЖДЕНІЕ
подписная цѣна 12 руб.
Участвуютъ популярнѣйшіе русскіе писатели. Лучшая бѣлая, альбомная и мѣловая бумага. Печать дорогими иллюстраціонными красками. Художественныя работы Р. Голике и А. Вильборгъ, поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества, удостоенныя высшихъ міровыхъ наградъ.
ДЕВИЗЪ ЖУРНАЛА: „ДАТЬ ВСЕ ТОЛЬКО ПРЕКРАСНОЕ".
Преобразованные съ 1917 года въ высоко-художественное изданіе, выпуски журнала по изяществу замѣнять цѣнные художественные альбомы и могутъ быть настольнымъ украшеніемъ изысканной гостиной. Журналъ будетъ иллюстрированъ художественно-декоративными орнаментами, конгревскимъ тисненіемъ, печатью золотомъ, многокрасочными рамками-виньетками къ стихотвореніямъ и нотамъ и многими чарующими гармоніей красокъ способами иллюстраціонной печати. Подписавшіеся на 1917 г. получатъ 12 выпусковъ художественно-литературнаго журнала въ исполненныхъ, въ 1-й разъ, множествомъ красокъ рельефныхъ обложкахъ-папкахъ, въ увеличенномъ (въ сравненіи съ прежними годами), двойномъ объемѣ по количеству листовъ текста и приложеній картинъ знамен. художниковъ.
50 НОВЫХЪ ВЫДАЮЩИХСЯ ВЪ ЕВРОПѢ КАРТИНЪ:
Картины въ краскахъ. Художественн. пано. Гравюры. Автотипіи Барельефы-портреты. | Картины на паспарту и на атласѣ. Картины «меццотинто» Олеографіи. | Горельефы подъ мраморъ Японск. золот. этюды. Иллюстраціи «Ирисъ» Портретъ на холстѣ.
Годовымъ подписчикамъ будетъ выдана грандіозная премія:
ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ, НЕПОДРАЖАЕМАЯ ПО КРАСОТѢ СТѢННАЯ КАРТИНА-НОКТЮРНЪ
СЛАВА ВЪ ВЫШНИХЪ БОГУ!..
(Миръ на землѣ)
Извѣстн. русск. художн. А. Эберлинга. Большая картина 61×92 сант. Стоимость картины въ отдѣльной продажѣ 45 рублей.
АБОНЕМЕНТЪ: на годъ 12 р., на полгода 6 р. На меньшіе сроки подписка не принимается.
Редакція журнала „Пробужденіе": Петроградъ, Суворовскій пр. 41, соб. д.
Р. издат. Н. В. Корецкій.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ!
1917 Роскошный художественно-иллюстрированный дѣтскій журналъ съ картинками въ краскахъ 5-й годъ изданія
„ЖАВОРОНОКЪ"
Въ 1917 году журналъ значительно расширяетъ программу и выходитъ подъ редакціей извѣстныхъ русскихъ писателей, художниковъ, ученыхъ и педагоговъ: Ал. Богданова—литература, А. Радакова—«Веселыя страницы», Н. Морозова—Міровѣдѣніе, М. Новорусскаго—Родная природа, А. Григорьева—Земля и люди, П. Зеленко и Г. Тумима—Что читать дѣтямъ, І. Бѣлопольскаго Игры, работы и учебныя пособія.
12 подписавшіеся на 1917 г. получатъ 12 №№ журнала и 38 премій 38
1 БОЛЬШ. КАРТИНА въ краск. для украш. дѣтской комнаты извѣстнаго художника Ю. И. РѢПИНА—„Дѣти, кто вашъ врагъ?"
12 ПОДАРКОВЪ. Модели для самостоят. дѣтскихъ работъ: Календарь-избушка, Домикъ Петра Великаго, Зоологическіе кубики, Модель русскаго воздушнаго корабля «Илья Муромецъ» и др. модели для вырѣз. и склеиванія,
12 иллюстрирован. КНИЖЕКЪ: дѣтскій театръ, сказки разныхъ народовъ, біографіи замѣчательн. людей и пр.— „Наша дѣтская книжка".
12 РИСУНКОВЪ для раскрашиванія, выпиливанія и проч. по образцамъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ — „Дѣтское Искусство".
1 КАЛЕНДАРЬ ежедневныхъ НАУЧНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.
Подписная цѣна на годъ—8 руб., на 6 мѣсяц.—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб.
Контора журнала „ЖАВОРОНОКЪ" Петроградъ, Невскій пр., 110.
Журналъ печатается въ собственной типографіи.
Отвѣтств. редакторъ-издатель І. Р. БѢЛОПОЛЬСКІЙ.

Русско-Скандинавское Техническое Бюро
Петроградъ, ул. Гоголя, № 13
ПРЕДЛАГАЕТЪ
всевозможные станки для обработки металловъ, Патроны для токарныхъ станковъ, Сталь инструментальную, буровую и др. шведскихъ заводовъ.
Товаръ имѣется наличный на складѣ въ Перми и Петроградѣ.
Представители на Уралъ и Сибирь
Товарищество „Постройка" въ Перми
куда просимъ адресовать всѣ запросы.

Очищенный ПУХЪ
МУЖСКОЕ ДАМСКОЕ ДѢТСКОЕ **БѢЛЬЕ** СТОЛОВОЕ ЧАЙНОЕ ПОСТЕЛЬНОЕ
дамскій КОНФЕКЦІОНЪ дѣтскій
стеганныя ОДѢЯЛА.
Магазинъ Бѣльевого Т-ва въ Екатеринбургѣ.

Съ прибылями 2.000—8.000 рублей
Энциклопедія доходныхъ дѣлъ
Книга завѣтныхъ стремленій человѣка: создать себѣ жизнь по душѣ, устроиться своимъ доходнымъ дѣл. имѣть обезпеченіе. Изданіе «энциклопедія» въ 2 книг., въ 12 част., УКАЗЫВАЕТЪ МНОГІЯ доходныя. до 8,000 руб. дѣла, любое изъ которыхъ можно начать съ ГРОШЕЙ. И чтобы получить ВѢРНУЮ ПРИБЫЛЬ,—даны подробные наставленія веденія и дешеваго устройства (съ 100 руб.) каждаго дѣла. Есть легкія сезонныя дѣла, что за 3 мѣсяца работы даютъ вѣрнаго 1—3,000 дохода! Цѣна 2 кн. «Энцикл.» 3 руб. 50 к. съ перес. налог. МАССА БЛАГОДАРНОСТЕЙ, Книжн. скл. «НОВАЯ ЖИЗНЬ и НАУКА» Москва, Средн. Переяславская, 61.

Усольская школа
ремесленныхъ учениковъ приглашаетъ своб. отъ воен. службы
ОПЫТНАГО СЛЕСАРЯ-ТОКАРЯ
по металлу для замѣщенія должности МАСТЕРА по слесарному отдѣленію Основной окладъ жалованія въ мѣс. 50 р. 30% прибавокъ 15 руб. Прибавокъ по закону 22 Окт 16 руб. 25 к. Полный окладъ въ мѣсяцъ 81 руб. 25 коп. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ службы можетъ быть возмѣщенъ расходъ на переѣздку до 100 руб. Предложенія адресовать въ с. Усолье, Соликамскаго уѣзда Инспектору ремесленной школы.

НУЖНЫ ТОКАРЯ
для ремонтныхъ мастерскихъ Невьянскому заводу.

Балетмейстеръ оперы Н. Лисецкій и солистъ Р. Баланотти даютъ
УРОКИ ТАНЦЕВЪ
у себя и на дому всѣмъ бальнымъ, балетнымъ, характернымъ танцамъ а также пластики и мимики. Вид. отъ 12 до 2-хъ час. Городской театръ и отъ 5 до 7 час. веч Вознесенскій пр. 27 кв. Вейнертъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ (XIII годъ ИЗДАНІЯ)
на журналъ для дѣтей средняго возраста
„СЕМЬЯ и ШКОЛА".
„Семья и школа" состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6-ти отдѣльныхъ книжекъ «библіотеки семьи и школы».
Редакція «СЕМЬИ и ШКОЛЫ» не привлекаетъ своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ наз. безплатными приложеніями, но обращаетъ исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самаго журнала и на тщательный подборъ матеріала, строго выдержаннаго въ педагогическомъ отношеніи.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ съ доставк. и пересылкой 6 р. Безъ доставки въ Москвѣ въ редакціи и у Н. Печковской 5 р. 50 к.
Въ редакціи и въ конторѣ Н. Печковской можно пріобрѣтать также комплекты журнала за 1916 г. (по 4 руб.) и за нѣкоторые другіе годы. Пробный № высылается за 25 коп. марками, а учащимъ—безплатно.
Адресъ редакціи: МОСКВА, Гончарная ул., д. № 17. Редакторъ-издатель Вл. Львовъ.

Уральскому Горному Управленію
ТРЕБУЮТСЯ
опытные письмоводители, конторщики, машинистки на разное содержаніе.
Обращаться лично въ присутственные дни съ 12 до 4 час.

Паровая бумажная и картонная фабрика
Т-ва Бр. М. и С. Вайнштейнъ и Ко
въ Екатеринбургѣ
быв. В. Н. Кудрявцева Телефонъ-фабрики 8 2. Городской лавки 5 0
ПРЕДЛАГАЕТЪ: бумагу оберточную и спеціально для оклейки въ рулонахъ, кулька, пакеты разныхъ размѣровъ.
Покупка тряпокъ и старой бумаги.